

ИСПОВЕДЬ БЫВШЕГО АНТИКУЛЬТИСТА

АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ

ИСПОВЕДЬ БЫВШЕГО АНТИКУЛЬТИСТА

Алексей Орлов

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. Вступление: Жажда Значимости

ГЛАВА 2. Искушение: Первый Контакт

ГЛАВА 3. Унижение: Цена Посвящения

ГЛАВА 4. Надлом

ГЛАВА 5. Кульминация: Побег

ГЛАВА 6. Освобождение: Сила Правды

ГЛАВА 7. Мой выбор: Порог необратимости

ЭПИЛОГ. Последствия и Надежда

ГЛАВА 1.

Вступление: Жажда Значимости

Меня зовут Алексей Орлов, и я пишу эти строки, забившись в нору, которую нельзя назвать домом. Это временное убежище, одна из десятка безликих съемных квартир в спальном районе, где единственное, что имеет значение, — это задернутые шторы и стальная дверь с тремя замками. Каждый скрип в подъезде заставляет меня вздрагивать. Каждый звонок с незнакомого номера — это приступ ледяной паники. Они ищут меня. И они найдут. Вопрос времени.

Поэтому я пишу. Пишу, пока это время есть. Это не мемуары и не попытка оправдаться. Оправдания для меня не существует. Это исповедь. Изучение собственного падения изнутри, подробная карта того, как амбиции, замешанные на страхе и зависти, превращают человека в послушное орудие зла. Я должен оставить это свидетельство, потому что механизм, который меня создал, а затем попытался уничтожить, продолжает работать. Он перемалывает судьбы, разрушает институты, отравляет само понятие правды. И управляет им человек, которого я когда-то считал мессией. Профессор Александр Дворкин.

Все началось с унижения. Не с того показного, ритуального унижения, которое ждало меня позже, а с тихого, ежедневного, разъедающего душу, как ржавчина. Мне было тридцать пять. В прошлом я был талантливым журналистом, автором нескольких громких расследований, которые цитировали, обсуждали, которых боялись. А теперь — автор безликих SEO-текстов про пластиковые окна, корма для кошек и «10 способов выбрать ламинат для вашей дачи». Мои старые статьи, которыми я когда-то гордился, пылились в архивах закрывшихся изданий. Новым редакторам больше не нужны были факты, им нужны были клики, трафик, хайп. А я не умел гнаться за дешевой сенсацией, не умел превращать человеческую трагедию в броский, циничный заголовок. Моя профессиональная честность стала синонимом профнепригодности.

Я жил в серой московской хрущевке, доставшейся от бабушки, где запах старых обоев смешивался с запахом моего собственного уныния. Вечерами я бездумно листал ленту социальных сетей и видел, как мои бывшие однокурсники — менее талантливые, но более зубастые и беспринципные —

взлетали по карьерной лестнице. Один стал пресс-секретарем в госкорпорации, другой вел собственное ток-шоу на федеральном канале. Они носили дорогие костюмы, отдыхали на Мальдивах и рассуждали о судьбах нации с сытым, самодовольным видом. А я пересчитывал мелочь, чтобы дотянуть до следующего унижительного гонорара.

Я ненавидел их. И еще больше ненавидел себя — за слабость, за бездействие, за то, что позволил жизни превратить меня в невидимку. Эта ненависть была кислотой, которая требовала выхода. Я жаждал значимости. Не просто денег или славы. Я жаждал власти. Власти над умами, власти, которая заставит всех этих выскочек смотреть на меня снизу вверх. Я хотел стать кем-то. Кем-то, кого боятся. Кем-то, кто имеет право судить.

В один из таких тоскливых осенних вечеров, прокрастинируя над очередной статьей о преимуществах металлочерепицы, я наткнулся на видеозапись публичной лекции. На превью был мужчина лет пятидесяти с лишним, с аккуратной бородкой, в строгом костюме и с умными, чуть усталыми глазами ученого. Подпись гласила: «Профессор Александр Дворкин. Тоталитарные секты как угроза национальной безопасности».

Я включил запись от скуки. И пропал.

Дворкин говорил не как чиновник или пропагандист. Он не кричал, не стучал кулаком по трибуне. Он плел паутину из фактов, цитат, исторических параллелей и почти мистических откровений. Он говорил о тайной войне, которая ведется против нашей страны, против наших детей, против наших душ. Войне, которую ведут не армии, а «деструктивные культы» — хитрые, безжалостные, обладающие технологиями контроля сознания.

«Они приходят под видом тренингов личностного роста, психологической помощи, духовных практик, — вещал Дворкин, пронзая взглядом невидимую аудиторию. — Они обещают вам успех, здоровье, просветление. Но забирают вашу волю, ваши деньги, вашу личность. Они, как раковая опухоль, прорастают в теле общества, разрушая семьи, доводя людей до самоубийства. И это не разрозненные группы фанатиков. Это — сеть. Единая, управляемая извне сеть, чья цель — уничтожение наших традиционных ценностей, нашей государственности, нашего будущего».

Каждое его слово было точно в цель, резонируя с моими собственными страхами и фрустрациями. Мир в его изложении переставал быть хаотичным и несправедливым. Он обретал структуру. Появлялся враг — коварный, всепроникающий, но определенный. И появлялся герой — сам Дворкин и его «Российская ассоциация центров изучения религий и сект» (РАЦИРС).

Я смотрел на него и видел все, чего был лишен сам: уверенность, цель, миссию. Он не просто говорил — он действовал. Он обладал знанием, которое делало его сильнее других. Это было не просто мнение, это была технология власти. Власть, основанная не на грубой силе, а на праве определять, кто враг. В тот вечер я пересмотрел десятки его интервью и лекций. Я изучал материалы его центра, поражаясь их псевдонаучной основательности. Термины вроде «деструктология», «бомбардировка любовью», «контроль сознания» звучали весомо и пугающе. Я, как журналист, видел манипуляцию, смещение правды, полуправды и откровенной лжи. Но та часть меня, которая жаждала силы, видела в этом гениальную стратегию.

Он говорил не о политике, а о метафизике. «Православные — не лучше всех», — его голос звучал мягко, но не допускал возражений, — «А вот Православие — точно единственный прямой путь к Богу». Затем последовал удар под дых, простой и сокрушительный: «Цель любой секты — власть и деньги». И наконец, фраза, которая пронзила меня лично: «Самая опасная секта — та, в которую попали ваши близкие». В этот момент я почувствовал, что он говорит не с безликой толпой, а лично со мной.

Я понял: это мой шанс. Единственный способ вырваться из моего серого болота — стать частью этого мира. Примкнуть к сильным. Доказать, что я достоин.

Мой внутренний голос, остатки профессиональной совести, что-то шептал о подлости, о предательстве идеалов. Но я заставил его замолчать. *«Это правое дело, — убеждал я себя. — Я буду бороться со злом, защищать людей. А то, что это даст мне статус и влияние... это лишь побочный эффект»*. Какая удобная ложь.

Следующие три дня я не выходил из дома. Забыв про еду и сон, я писал. Я писал не статью, а оду. Панегирик профессору Дворкину. Это была лучшая

работа в моей жизни — с точки зрения техники. Я вложил в нее весь свой нерастраченный талант. Я взял его идеи и облек их в безупречную форму аналитического расследования. Я копнул глубже. Я писал о том, что движение зародилось в России не на пустом месте. После краха СССР и идеологического вакуума 90-х в страну хлынул поток западных и восточных миссионеров. Дворкин, вернувшись из эмиграции в США в 1991 году, оседлал эту волну страха и растерянности. Он не придумал врага — он его грамотно назвал, упаковал в псевдонаучный термин «тоталитарная секта» и предложил обществу простое решение сложной проблемы. Я нашел реальные примеры сектантского насилия — «Аум Синрике», «Ветвь Давидова» — и представил их как типичный случай, подтверждающий его теорию глобального заговора. Я цитировал его, как отцов церкви, и ссылался на работы РАЦИРС, как на священное писание.

Я назвал статью «Анатомия вторжения: как профессор Дворкин вскрывает технологии гибридной войны». Отправив ее в несколько крупных консервативных изданий, я замер в ожидании.

Ответ пришел через два дня. И он был не от редактора. Он был из Центра Изучения Религий и Сekt.

ГЛАВА 2.

Искушение: Первый Контакт

Сообщение пришло на мою анонимную электронную почту, которую я использовал для отправки статьи. Короткий, сухой текст без приветствий и реверансов: «Алексей Игоревич, Ваша статья представляет для нас интерес. Профессор Дворкин хотел бы встретиться с Вами лично. Ждем Вас завтра в 11:00 по адресу... С уважением, Секретариат РАЦИРС».

Сердце пропустило удар, а затем забилося с бешеной скоростью. Они заметили. *Он* заметил. Я перечитал сообщение десять раз, словно пытаюсь найти в нем скрытый смысл. Адрес принадлежал солидному зданию в центре Москвы, бывшему НИИ. Все выглядело респектабельно. Респектабельно и пугающе.

Всю ночь я не спал. Я гладил свой единственный приличный костюм, репетировал ответы на возможные вопросы. Я чувствовал себя соискателем, идущим на главное собеседование в своей жизни. Чувство вины за откровенно манипулятивную статью улетучилось, сменившись азартом хищника, почуявшего кровь.

Офис РАЦИРС не походил на логово фанатиков. Он напоминал дорогую юридическую контору или аналитический центр. Тишина, ковры, приглушающие шаги, стены, отделанные темным деревом и заставленные книжными шкафами с фолиантами в кожаных переплетах. В воздухе витал запах старых книг, дорогого парфюма и власти.

Меня встретила безупречно одетая девушка и проводила в приемную. Это было не логово борцов с мировым злом. Это был штаб. Штаб очень серьезной и богатой организации.

Через несколько минут дверь кабинета открылась, и вышел не Дворкин, а двое мужчин лет сорока. Один — высокий, худой, с холодными глазами хирурга и лицом, не выражавшим никаких эмоций. Второй — коренастый, коротко стриженный, с замашками отставного силовика.

— Алексей Орлов? — без улыбки спросил худой. — Меня зовут Кирилл Сергеевич. Это — Михаил. Профессор занят, беседовать с вами будем мы.

Они провели меня не в кабинет Дворкина, а в переговорную — стерильную комнату со стеклянным столом и дюжиной стульев. Атмосфера мгновенно сменилась с академической на допросную.

— Ваша статья, — Кирилл Сергеевич положил на стол распечатку, испещренную пометками красным маркером. — Неплохо. Вы уловили суть. Даже слишком хорошо для человека со стороны.

Его тон был ледяным. Это была не похвала, а подозрение.

— Я давно слежу за работами профессора, — соврал я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я считаю его деятельность чрезвычайно важной.

— Мы все так считаем, — отрезал коренастый Михаил, впервые подав голос. Его бас, казалось, вибрировал в груди. — Вопрос не в этом. Вопрос в мотивации. Что вам нужно, Орлов? Деньги? Карьера?

Я был готов к этому вопросу. — Значимости, — ответил я честно. — Я хочу заниматься настоящим делом, а не писать про ламинат. Я хочу, чтобы моя работа имела смысл.

Худой Кирилл и коренастый Михаил переглянулись. В их глазах промелькнуло что-то вроде понимания. Или презрения.

— Похвально, — процедил Кирилл. — Но вера и энтузиазм — вещи ненадежные. Нам нужны люди, которые умеют работать. Выполнять задачи. Четко и без лишних эмоций. Вы готовы к такой работе?

— Готов, — твердо сказал я.

— Хорошо. Тогда у нас для вас есть тестовое задание.

Он пододвинул ко мне тонкую папку. — Это «экспертное заключение». Объект — так называемая община «Путь к Свету». Мелкая группа... эзотериков. Нам нужен разгромный материал. Анализ их доктрины, свидетельства бывших адептов, психологический портрет лидера. Все по нашей стандартной методике.

Он протянул мне флешку. — Здесь шаблоны, инструкции и база данных «свидетельств». Называется «Анатомия секты». Вы берете нужные показания, компилируете их, добавляете научнообразные формулировки из нашего глоссария — «контроль сознания», «деструктивный культовый опыт», «синдром зависимости» — и подгоняете под наш объект. Лидера нужно представить как

корыстного мошенника с психическими отклонениями. Адептов — как безвольных жертв. Ничего сложного для человека с вашими способностями. Срок — три дня.

Я взял папку и флешку. Руки слегка дрожали. Это было то, чего я хотел, — доступ к механизму. Но цинизм, с которым мне это преподнесли, ошеломлял. Фабрикация доказательств, конвейер по уничтожению репутаций. Они даже не пытались это скрыть. Они проверяли меня: смогу ли я переступить черту.

— Я справлюсь, — сказал я, пряча глаза.

«Цель оправдывает средства», — билось в голове. Это лишь необходимая жертва. Входной билет.

Вернувшись домой, я открыл папку. Внутри лежала краткая справка об «объекте» и фотография лидера. Я посмотрел на снимок и почувствовал, как пол уходит у меня из-под ног. С фотографии на меня смотрел Сергей Николаевич Ветров. Мой первый редактор. Человек, который научил меня всему, что я умел в журналистике. Честный, принципиальный, до тошноты порядочный. Его выжили из профессии лет десять назад именно за это — за отказ публиковать заказную ложь. Он уехал из Москвы, и я потерял его из виду. И вот теперь он — «лидер деструктивного культа». А я должен его уничтожить.

В памяти всплыла сцена многолетней давности. Я, молодой стажер, принес ему свою первую статью. Он долго читал, а потом сказал: «Лёша, тут много огня, но мало фактов. Запомни, у журналиста есть только один капитал — его имя, его репутация. Потеряешь ее, и ты никто. Каждое слово должно быть железобетонным».

Теперь я должен был превратить его имя в грязь. Это был не просто удар. Это был дьявольски точный, выверенный расчет. Они не могли знать. Или могли? Ладлэмовская паранойя, о которой я читал в романах, вдруг стала моей реальностью. Было ли это случайностью? Или это и было настоящее испытание? Не просто на подлость, а на способность к предательству. Личному, осознанному предательству человека, которому я был обязан.

Я сел за компьютер. Руки не слушались. В голове звучал голос Ветрова: *«Лёша, запомни, у журналиста есть только один капитал — его имя. Потеряешь его, и ты никто».*

Я открыл флешку. Передо мной был конструктор лжи. Десятки файлов: «Свидетельство_01 (финансовая эксплуатация)», «Свидетельство_02 (психологическое насилие)», «Свидетельство_03 (разрушение семьи)». Безликие, анонимные тексты, которые можно было применить к кому угодно. Глоссарий «деструктологии», напоминающий оруэлловский новояз. Инструкция «Протокол дискредитации лидера», где по пунктам расписывалось, как из любого человека сделать монстра: найти уязвимости, приписать скрытые мотивы, вырвать цитаты из контекста, демонизировать». Папки Doctrines (анализ вероучений), Leader_Psycho_Profiles (психологические портреты лидеров) и Ex_Adept_Testimonies (свидетельства бывших адептов). Ключевым документом был Glossary_Destructology.pdf. Я открыл его. «Контроль сознания», «Бомбардировка любовью», «Эзотерический разрыв», «Гуруизм»... Десятки наукообразных терминов, превращающих любую духовную практику в технологию порабощения. Отдельно лежал файл Инструкция_10_вопросов_навязчивому_незнакомцу.docx — готовый скрипт для дискредитации любого миссионера.

Всю ночь я сидел перед пустым экраном. Голос совести кричал. Но голос амбиций был громче. *«Они проверяют тебя, — шептал он. — Откажешься — и вернешься к своему ламинату. Навсегда. А Ветров... он уже на обочине жизни. Это просто еще один шаг. Последний. Потом ты получишь власть и сможешь вершить настоящую справедливость».*

К утру я сделал выбор. Я начал писать. Я брал шаблоны и наполнял их ядом. Я брал светлые воспоминания о Ветрове — о его идеализме, о его немного наивной вере в людей — и выворачивал их наизнанку, представляя как хитрые уловки манипулятора. Я приписал ему все грехи из методички РАЦИРС. Каждое слово было как удар ножом в спину человеку, который когда-то в меня поверил. И с каждым словом я чувствовал не вину, а странный, извращенный азарт. Шаблон Testimony_Financial_Exploitation.docx. Он гласил: «Лидер [ИМЯ ЛИДЕРА] требовал от адептов безвозмездной работы на благо общины, называя это "служением", и принуждал к пожертвованиям, ссылаясь на [ЦИТАТА ИЗ УЧЕНИЯ]». Я вспомнил, как Ветров с энтузиазмом организовывал субботники по очистке берега реки и цитировал Экзюпери о том, что «единственная настоящая роскошь — это роскошь человеческого общения». С холодком в груди

я впечатал в шаблон: «Лидер Ветров С.Н. требовал от адептов безвозмездной работы, называя это "служением", и принуждал к пожертвованиям, ссылаясь на манипулятивные цитаты из западных философов». Конструктор лжи работал безупречно.

Я брал светлые воспоминания о Ветрове — о его идеализме, о его немного наивной вере в людей — и выворачивал их наизнанку, представляя как хитрые уловки манипулятора. Я приписал ему все грехи из методички РАЦИРС. Каждое слово было как удар ножом в спину человеку, который когда-то в меня поверил. И с каждым словом я чувствовал не вину, а странный, извращенный азарт. Я убивал в себе старого Алексея Орлова. И мне это нравилось.

Через два дня разгромный, лживый, но безупречно составленный «экспертный отчет» был готов. Я отправил его Кириллу и стал ждать приговора. Себе.

ГЛАВА 3.

Унижение: Цена Посвящения

Ответ пришел через несколько часов. На этот раз он был еще короче: «Принято. В пятницу, в 19:00, за Вами заедет машина. Форма одежды — свободная. Возьмите с собой сменную одежду и туалетные принадлежности. Останетесь на выходные». Ни адреса, ни цели. Только приказ.

Я понял, что сдал экзамен. Меня допустили на следующий уровень. Чувство триумфа смешивалось с липким, тошнотворным страхом. Я предал. Предал цинично и расчетливо. И меня за это вознаградили.

В пятницу ровно в семь вечера к моему подъезду бесшумно подкатил черный седан с тонированными стеклами. Водитель молча открыл заднюю дверь. Я сел в салон из дорогой кожи. Машина плавно тронулась и поехала прочь из моего серого района, увозя меня в новую жизнь. Или в новую разновидность ада.

Мы ехали около двух часов, петляя по подмосковным шоссе. Я узнавал направления, но водитель постоянно сворачивал, запутывая маршрут, пока я окончательно не потерял ориентацию в пространстве. Наконец, мы свернули на неприметную асфальтовую дорогу, уходящую в густой, темный лес. Через несколько километров показался глухой трехметровый забор из серого бетона с камерами по периметру. Водитель моргнул фарами, и тяжелые стальные ворота беззвучно поползли в сторону.

За забором раскинулось поместье, которое я видел только в кино про миллиардеров. Огромная, ультрасовременная вилла из стекла, темного дерева и бетона, вписанная в лесной ландшафт. Панорамные окна горели теплым светом. Рядом с домом в ночном воздухе парил подсвеченный лазурный прямоугольник бассейна. Вокруг — идеально подстриженные газоны, на которых стояли какие-то абстрактные скульптуры из металла. Роскошь была кричащей, почти вульгарной, и совершенно безжизненной, как декорация к фильму.

Машина остановилась у главного входа. Водитель открыл мне дверь и, впервые подав голос, произнес: «Вас ждут». Затем он сел в машину и уехал, оставив меня одного перед огромной дверью из тонированного стекла.

Дверь открылась сама, и меня ослепил свет. Я шагнул внутрь, в громадный двухсветный холл. В центре зала, на белых кожаных диванах, собралось около пятнадцати человек. Мужчины и несколько женщин, все в дорогой неофициальной одежде — кашемир, шелк, идеально сидящие костюмы. Я узнал Кирилла и Михаила. Но остальные... Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Эти лица я видел по телевизору, на страницах «Форбса», в новостных лентах.

Вот грузный, лоснящийся депутат Государственной Думы, известный своими яростными патриотическими речами. Вот известная телеведущая с ледяной улыбкой, сделавшая карьеру на скандальных ток-шоу, где она с наслаждением полоскала чужое грязное белье. Вот седой, подтянутый мужчина с военной выправкой, в котором я с трудом узнал генерала ФСБ в отставке, ныне занимающего пост в совете безопасности какой-то госкорпорации. Были и другие, менее узнаваемые, но на каждом лице лежал тот же отпечаток — отпечаток власти, цинизма и полной уверенности в собственной безнаказанности. Это была «высшая лига». Настоящая.

В центре, с бокалом красного вина в руке, стоял он. Профессор Александр Дворкин.

Вживую он выглядел иначе, чем на экране. Та же аккуратная бородка, тот же строгий костюм, тот же пронзительный взгляд. Но аура была другой. Не академической, а хищной. Это была аура вожака стаи, повелителя, демиурга этого маленького, закрытого мирка. Он окинул меня оценивающим взглядом, и я почувствовал себя голым. Он видел не мой костюм, не мою нервную улыбку. Он видел меня насквозь — все мои страхи, амбиции, мою гниль.

— Алексей, — его гипнотический голос прозвучал в наступившей тишине. Все разговоры мгновенно смолкли. — Рад приветствовать вас в нашем скромном кругу. Ваша работа по «Пути к Свету»... впечатляет. Вы доказали, что способны отделить личное от профессионального. Это редкое и ценное качество в наше время.

Он улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз. В ней была лишь холодная констатация.

— Сегодня вы здесь не как гость. Вы — кандидат. Кандидат на вступление в высшую лигу. В тех, кто не просто пишет отчеты, а принимает решения. Но для этого нужно пройти обряд посвящения.

Он сделал паузу, обводя взглядом собравшихся. Все смотрели на него с подобострастным вниманием.

— Власть, — продолжил Дворкин, медленно прохаживаясь по залу, и его голос стал ниже и вкрадчивее, — настоящая власть, требует освобождения. Освобождения от оков мещанской морали, от химер совести, от страха осуждения. Общество живет по законам, написанным для стада. Милосердие, сострадание, честность — это все инструменты для управления слабыми. Но тот, кто берет на себя бремя пастыря, не может быть овцой. Он должен стать волком. Сверхчеловеком, которому позволено то, что не позволено другим. Мы — хирурги этого больного общества. Иногда хирургу приходится резать по живому, ампутировать пораженные органы, причинять боль, чтобы спасти организм в целом. Наша работа грязна. Мы лжем, предаем, уничтожаем. Но мы делаем это не ради себя. Мы делаем это во имя высшей цели — во имя сохранения порядка, который мы сами и создаем. Святые отцы учили нас бороться со страстями, отсекал греховные помыслы ради спасения души. Мы же отсекаем гнилые части общества ради спасения государства. Это наше аскетическое делание. Наше служение. И оно требует полного самоотречения. Сегодня мы поможем вам сбросить эти оковы. Стать свободным.

Повисла напряженная пауза. Я ожидал чего угодно: тайной клятвы, идеологического экзамена, стратегической игры. Реальность оказалась гораздо страшнее и изощреннее.

— Начнем с «исповеди», — объявил Дворкин. Нас по одному вызывали в центр зала. Он садился напротив, и под его гипнотическим взглядом, под давлением молчаливой, наблюдающей «высшей лиги», ты должен был рассказать о самом постыдном поступке в своей жизни. О том, что грызет тебя изнутри, о чем ты боишься признаться даже самому себе. Отказаться было невозможно. Молчание было равносильно провалу.

Я видел, как ломались люди. Солидный мужчина в дорогом кашемировом свитере, рыдая, рассказывал, как подставил партнера по бизнесу, доведя его до

тюрьмы. Эффектная женщина с холодным лицом признавалась в аборте, сделанном от мужа, которого презирала. Это был не акт покаяния. Это был акт сбора компромата. Каждый, кто говорил, становился заложником остальных. Круговая порука стыда.

Я с холодным ужасом узнал в этом одну из техник контроля сознания, о которых читал в их же методичках — «культ исповеди» из восьми критериев тоталитарного мышления Роберта Лифтона. Информация, полученная здесь, не прощалась. Она каталогизировалась. Она становилась крючком, на котором тебя будут держать всю оставшуюся жизнь.

Следующим пошел лоснящийся депутат. Он долго мялся, потел, но под тяжелым взглядом Дворкина сломался. Срывающимся голосом, избегая смотреть на кого-либо, он рассказал, как несколько лет назад, чтобы занять свое место в партийном списке, он с помощью компромата, предоставленного РАЦИРС, уничтожил своего коллегу и друга. Они сфабриковали доказательства его связей с иностранной разведкой. Человека не посадили, но его карьера, семья, вся его жизнь была разрушена. Он спился и умер через год.

— Я... я каждый день вижу его во сне, — прошептал депутат, вытирая платком потный лоб.

— Прекрасно, — ледяным тоном произнес Дворкин. Тишина в зале была такой, что слышно было, как гудят лампы. — Вы использовали их же оружие — информацию. Вы проявили волю и принесли в жертву малое ради большего. Ради стабильности партийной линии. Очень по-нашему. Садитесь.

В его голосе не было сочувствия. Только одобрение патологоанатома, которому показывают удачно вырезанную опухоль. Депутат, униженный и раздавленный, поплелся на свое место. Теперь он был полностью в их власти.

Когда очередь дошла до меня, я почти не чувствовал страха. Я был опустошен. Я рассказал о Ветрове. Рассказал холодно, почти механически, как я, используя его же уроки, методично, слово за словом, уничтожал человека, которого уважал. Я не плакал, не каялся. Я просто констатировал факт, как будто читал протокол вскрытия. Я чувствовал, как с каждым словом я сжигаю за собой последний мост, ведущий в мое прошлое. Я смотрел в холодные, внимательные глаза Дворкина, ища в них хоть какую-то реакцию.

Он слушал с одобрительной, почти отеческой улыбкой. — Прекрасно, Алексей. Прекрасно. Предательство учителя — это классический, почти библейский сюжет. Это сильный шаг. Это доказывает, что вы готовы отсечь все сентиментальные привязанности. Вы наш человек.

Затем началось то, что он называл «ритуалом освобождения». В огромном зале приглушили свет, заиграла странная, пульсирующая музыка. Появились официанты с подносами, на которых были не закуски, а бокалы с какой-то мутной жидкостью и маленькие таблетки.

— Не бойтесь, — сказал Дворкин, беря один из бокалов. — Это всего лишь катализатор. Энтеоген, который использовали еще древние жрецы для расширения сознания. Он поможет вашему разуму окончательно освободиться от социальных шор.

Я понимал, что это наркотики. Понимал, что это точка невозврата. Но страх быть изгнанным, страх вернуться в свою хрущевку после того, как я уже заплатил такую цену — предательством, — был сильнее любого другого страха. Я посмотрел на Кирилла. Он кивнул, и в его глазах я увидел приказ. Я взял бокал. Руки дрожали. Я выпил вязкую, горьковатую жидкость и проглотил таблетку.

Мир поплыл почти мгновенно. Сначала исказились звуки. Пульсирующая музыка стала объемной, она проникала прямо в мозг. Голоса людей растягивались и искажались, превращаясь в бессмысленный гул. Затем поплыли образы. Границы между предметами и людьми стали размытыми. Роскошная вилла превратилась в гротескную, дышащую декорацию. Лица окружающих исказились, потекли, превратившись в уродливые, смеющиеся маски из картин Босха. Я чувствовал, как мое тело становится чужим, ватным. Я смотрел на свои руки, и они казались мне руками другого человека. Это была классическая деперсонализация, о которой я когда-то читал. Я наблюдал за собой со стороны.

То, что происходило дальше, я помню обрывками, как страшный, лихорадочный сон. Громкий смех, переходящий в рыдания. Люди, сбрасывающие свою дорогую одежду. Обнаженные тела, сплетающиеся в уродливых, лишенных страсти и радости позах. Это не было оргией в

привычном смысле слова. Не было ни желания, ни наслаждения. Это был холодный, механистический, управляемый ритуал. Ритуал взаимного унижения и осквернения. Акт коллективного падения, где каждый должен был замараться, чтобы стать «своим». Люди не отдавались страсти, они исполняли команды, ломая собственные внутренние барьеры. Я видел, как та самая холодная телеведущая по приказу ползала на коленях и лаяла, как собака. Видел, как депутат, рыдая, делал нечто невообразимо унижительное.

Мой взгляд, плывущий в тошнотворной психоделической волне, выхватил сцену у панорамного окна. Генерал ФСБ в отставке, тот самый, с выправкой и лицом, высеченным из гранита, стоял на четвереньках перед Дворкиным и медленно запихивал его фекалии себе в рот. Его дорогой костюм, в котором он решал судьбы, был смят. Лицо превратилось в маску каменистой покорности. Его тело не двигалось. Он был предметом мебели. Знаменитая телеведущая, чья ледяная улыбка разрушала карьеры в прайм-тайм, сидела на его широкой спине, словно на пуфике. В одной руке она держала бокал с чем то на вид напоминающим, что ел генерал, другой тянула себя за волосы. Она не смотрела на него. Она смотрела на Дворкина, где на его губах играла слабая, самодовольная ухмылка, он был возбужден. Генерал не смотрел никуда. Его глаза были закрыты. Лишь его челюсти пережевывали содержимое рта, выдавая титаническое напряжение воли. Это было унижение не через боль. Это было полное, тотальное уничтожение личности через мерзкое действие. Он, командовавший тысячами, державший в руках чужие судьбы, теперь был не просто вещью — он был рабом. Апофеоз верности, доведенный до абсурда. Остальные наблюдали с какой-то усталой любознательностью, словно за давно известной, но по-прежнему эффективной химической реакцией. В их взглядах не было злорадства, только общее понимание: *такова цена. Это то, что требуется.* Каждый примеряя этот ошейник на себя.

И тут — вспышка сопротивления. Один из двух других новичков, молодой человек с бледным, интеллигентным лицом, который на «исповеди» сбивчиво рассказывал, как украл деньги из благотворительного фонда, чтобы оплатить лечение матери, вдруг выпрямился. Он остался в одних брюках, его белая грудь казалась флуоресцирующей в тусклом свете. — Нет, — прошептал он. Голос

дрожал, но в наступившей паузе его слышали все. — Я не могу. Я не буду это есть. Это... это неправильно.

Тишина волной разошлась от него. Все взгляды обратились не на него — на Дворкина. Профессор, наблюдавший со стороны, медленно, с кошачьей грацией, приблизился к юноше. Он не повышал голоса. Он даже не казался рассерженным. Он положил руку на плечо парня, и этот жест был почти отеческим.

— Неправильно? Не будешь есть? Вкрадчивый голос Дворкина прорезал дурман в моей голове. — Что такое «неправильно», Дмитрий? Разве не было «неправильно» красть у умирающих, чтобы подарить своей матери несколько лишних месяцев боли? Ты сам нам рассказал. Ты сделал выбор. Ты пожертвовал многими ради одного. Благородный порыв, но крайне неэффективный. Здесь мы учим обратному. Жертвовать своим маленьким, жалким «я» ради блага целого. Системы.

Он наклонился ближе, его голос перешел в заговорщицкий шепот, который каким-то чудом был слышен в каждом углу зала. Я понял, что акустика помещения была просчитана с той же дьявольской точностью, что и все остальное. — Твоя мать умерла две недели назад, не так ли? Одна. В казенной палате. Деньги кончились. Ее страдания были «правильными»? Или просто... бессмысленными? Твоя жертва оказалась напрасной. А здесь... здесь твои поступки могут обрести смысл. Твое унижение может иметь цель.

Дворкин небрежно махнул рукой в сторону центра зала. Там, на полу, стоял серебряный таз, в котором были собраны его испражнения. Видишь этот таз, Дмитрий? Совсем как твоя устаревшая мораль. Иди ешь. Сделай мне приятно. Очисти себя от своей бессмысленной вины. Покажи нам, что ты понял. Покажи, что ты готов запачкать руки — по-настоящему запачкать — ради дела, которое больше твоих личных мелочных чувств. Или можешь уйти. Прямо сейчас. Возвращайся в жизнь, где твои действия не значат ровным счетом ничего.

Дмитрий смотрел на Дворкина. Его лицо было полотном ужаса и неверия. Он обвел взглядом присутствующих, ища союзника, искорку сочувствия в чужих глазах. Он не нашел ничего. Лишь холодные, выжидающие стекляшки глаз. Я видел момент, когда он сломался. Это был не щелчок, а медленное,

осыпающееся обрушение. Плечи поникли. Огонь в глазах погас. Механическими, кукольными движениями он подошел к тазу, опустил на колени и погрузил голову в отвратительную жижу. Он оставался так, захлебываясь, пока Дворкин смотрел с диким удовлетворением маньяка, находившегося в экстазе.

Эта сцена была омерзительнее любой наготы. Это было публичное усекновение души. И в этот миг я окончательно понял. Дворкин не просто создавал компромат. Он маньяк, переплавляя человеческое достоинство в корм демонам, которым он служит. Он учил нас, что дна не существует, и единственный способ выжить — это принять падение и даже полюбить его.

Я заставил себя отвернуться и встретился взглядом с Кириллом, стоявшим неподалеку. Он едва заметно кивнул, и в его глазах я прочитал немой вопрос: «Теперь ты понял?». Я понял. Я понял все. Любое сопротивление здесь не просто бессмысленно — оно контрпродуктивно. Оно лишь повод для еще более изощренного, еще более показательного унижения. Тебя все равно сломают, но перед этим выставят на посмешище как упрямого дурака. Единственный способ пройти через это — выключить себя, стать наблюдателем собственного падения, сберегая остатки разума для того, что будет *после*. Если «после» вообще наступит.

Я заметил, как в углах зала, за зеркальными панелями, вспыхивают и гаснут красные огоньки. Скрытые камеры. Все это записывалось. Каждый стон, каждый постыдный жест. Это был не просто ритуал. Это было производство компромата в промышленных масштабах.

В центре всего этого, как режиссер в театре абсурда, находился Дворкин. Он не участвовал. Он ходил между копошащимися телами с бокалом вина в руке. Он наблюдал. С непроницаемым лицом божества, взирающего на суету муравьев. Иногда он подходил к кому-то, кто колебался, кто пытался забиться в угол. Я видел, как он наклонился к одному из новичков, который сидел, обхватив голову руками, и тихим, гипнотическим голосом сказал: «Иди. Освободись от страха. Страх — это последнее, что делает тебя рабом. Стань как мы. Стань свободным». И парень, как зомби, поднялся и пошел в центр зала. Дворкин не просто создавал компромат. Он ломал людей, пересобирав их по своему образу и подобию, создавая сообщество травмированных, искалеченных личностей,

навсегда связанных общей грязью, общим стыдом. Он на практике применял те самые методы, которые приписывал «деструктивным культам».

Я не помню, что делал я. Память милосердно стерла эти кадры. Осталось только ощущение липкого, всепроникающего стыда и физического осквернения. Я подчинялся, как автомат. Моя личность, мое «я» куда-то исчезло. Осталась только животная воля к выживанию и отчаянное желание, чтобы этот кошмар закончился.

Очнулся я на следующее утро в одной из безликих гостевых комнат. На белоснежных простынях. Голова раскалывалась. Тело болело в каждой мышце, как после жестокой драки. Но страшнее всего была абсолютная пустота внутри. Я подошел к зеркалу в ванной и не узнал себя. Из зеркала на меня смотрел человек с мертвыми, пустыми глазами. Тот Алексей Орлов, который приехал сюда вчера, перестал существовать. Умер. А это — кто-то другой.

Я сел за стол и молча налил себе кофе. Руки дрожали. В этот момент ко мне подошел Кирилл. Он был абсолютно спокоен, свеж, как будто провел ночь в молитвах, а не в аду. В руке у него была чашка эспresso.

— Ну как, Алексей? — спросил он с легкой, почти дружелюбной усмешкой. — Просветление пришло?

Я молчал, не в силах поднять на него взгляд.

— Теперь ты понимаешь, что такое настоящая лояльность? — продолжил он тихим, доверительным тоном. — Не та, что на словах, не та, что за деньги. А та, что скреплена кровью. И дерьмом. Когда каждый знает о другом самое страшное, предательство становится невозможным. Мы все в одной лодке. И если она пойдет ко дну, то мы пойдем на дно все вместе. Добро пожаловать в семью.

Дворкин появился чуть позже. Он подошел ко мне, положил тяжелую руку на плечо. — Добро пожаловать в семью, Алексей. Теперь ты один из нас. Ты свободен от старой морали. В понедельник тебя ждет новый кабинет и новая работа. Теперь ты готов к настоящей власти.

Власть, о которой он говорил, пахла гнилью, калом и унижением. И я с ужасом понял, что пути назад нет. Я заплатил за вход слишком высокую цену. И теперь мне придется идти до конца по этой дороге в ад.

ГЛАВА 4.

Надлом

Посвящение изменило все. Прошрое, где я, Алексей Орлов, был неудачливым копирайтером, пишущим про керамогранит, схлопнулось, как далекая, потухшая звезда. Теперь я был другим человеком, обитающим в другой вселенной. Меня переселили из бабушкиной хрущевки в служебную квартиру в «Триумф-Паласе», на сороковом этаже, откуда Москва расстилалась у моих ног послушным, переливающимся огнями ковром. Вместо старого «Фокуса» мне выдали ключи от черного служебного «Мерседеса» с водителем. На мой новый банковский счет, открытый на подставное юрлицо, ежемесячно падала сумма, от которой у прежнего меня случился бы сердечный приступ. Я обедал в ресторанах, где одно блюдо стоило больше, чем моя прошлая месячная зарплата, носил костюмы, сшитые на заказ, и часы, цена которых равнялась стоимости моей старой квартиры.

Однажды, поддавшись странному, мазохистскому импульсу, я попросил водителя проехать через мой старый район. Вот она, моя серая пятиэтажка, с облупившейся штукатуркой и бельем на балконах. Вот лавочка у подъезда, где сидят те же самые старушки. А вот и мое окно на третьем этаже, темное и безжизненное. Я смотрел на эту картину из прохладного, пахнущего кожей салона «Мерседеса», и вместо ностальгии чувствовал лишь холодное, высокомерное презрение. Я вырвался. Я победил. Я смотрел на свое убогое прошлое как на дохлую крысу в сточной канаве. Но даже в этот момент пьянящего триумфа, где-то в глубине души, в том самом месте, где раньше была совесть, шевелилось что-то липкое и тошнотворное. Пустота. Отвращение. Осознание того, что я не победил, а продался. И цена этой продажи была невыразимо высока.

Я пытался заглушить это чувство работой, погружаясь в нее с головой, с фанатизмом неопита. Мой новый кабинет не имел ничего общего с пыльными приемными РАЦИРС. Он находился в отдельном, сверхсекретном крыле здания, куда имели доступ не более десяти человек из «вышей лиги». Это место не было похоже ни на офис, ни на академический центр. Это был мостик боевого корабля. Центр управления информационными войнами.

Мое рабочее место состояло из трех огромных мониторов. На левом в реальном времени бежали ленты всех крупных новостных агентств и социальных сетей. На правом — закрытые чаты с администраторами десятков Telegram-каналов, сетки ботов, журналистами на «прикорме» и «лидерами общественного мнения». Центральный монитор был моим полем боя. На нем отображалась аналитическая система, которую наши программисты в шутку называли «Оком Саурана». Она отслеживала упоминания нужных персон, анализировала тональность публикаций, строила графики распространения информации и выявляла уязвимые точки в инфополе «объекта».

Моим первым серьезным заданием стала кампания по нейтрализации Павла Касаткина — молодого, харизматичного оппозиционного политика из Новосибирска, который слишком быстро набирал популярность. Он не был радикалом, говорил о простых и понятных вещах — коррупции, несправедливости, произволе чиновников, — и говорил так, что ему верили. Это делало его особенно опасным. Пришел заказ: «Решить проблему». Не просто дискредитировать. Уничтожить. Стереть.

Кирилл, мой непосредственный куратор, изложил мне план с холодной деловитостью хирурга, объясняющего студентам этапы ампутации. На плазменной панели в его кабинете появилась презентация в строгом корпоративном стиле, с логотипом РАЦИРС в углу.

— Задача двухэтапная, Алексей, — он указал лазерной указкой на первый слайд с заголовком: «ЭТАП 1: МАТРИЦА ДЕГУМАНИЗАЦИИ». — Наша цель — не просто очернить его. Мы должны расчеловечить объект. Превратить его в глазах целевой аудитории из политика в опасного маньяка, сектанта и иностранного агента. Все одновременно. Мы не спорим с его идеями, это контрпродуктивно. Мы уничтожаем его личность, создаем вокруг него вакуум из страха и ненависти.

Он показал мне «Матрицу дегуманизации» — один из ключевых документов РАЦИРС. Это была жуткая технология. На политика вешался набор ярлыков. Через подконтрольные СМИ, Telegram-каналы и сети ботов начиналась массированная бомбардировка. Любое его действие, любое слово трактовалось исключительно через призму этих ярлыков.

«Касаткин призывает к честным выборам? Он хочет ввергнуть страну в хаос по указке Запада. Касаткин открывает благотворительный фонд? Это сектантская структура для сбора денег и вербовки адептов. У него нашли старое фото с тренинга по ораторскому искусству? Вот доказательство его связи с деструктивным культом!»

Я курировал этот процесс. Я отдавал приказы десяткам журналистов и блогеров, многие из которых даже не догадывались, на кого работают. Я видел, как ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой. Как вокруг Касаткина сжимается кольцо ненависти и подозрения. Мои остатки совести молчали. Я был солдатом на войне, а на войне не бывает морали. Так я себя убеждал.

И я начал работать. Я стал дирижером этого адского оркестра.

— Так, запускаем первую волну, — говорил я в гарнитуру, глядя на экран. — Тезис: «Касаткин связан с сайентологами». Находим его старое фото с бизнес-тренинга десятилетней давности. Тренер когда-то проходил у сайентологов какие-то курсы. Этого достаточно. Через час это фото с кричащим заголовком должно быть во всех наших каналах. Ботоферма, группа «А», подключайтесь. Комментарии: «Сектант рвется к власти!», «Продался американцам!», «У него глаза безумные!».

Я видел, как это работает. Видел, как ложь, повторенная тысячу раз через сотни рупоров, начинает обретать плоть и кровь, превращаясь в «общеизвестный факт». Через день в поисковых подсказках после фамилии «Касаткин» уже выскакивало «секта». Через неделю его бывшие сторонники начали писать в соцсетях: «Я разочаровался, не думал, что он такой...». Мы не просто лгали. Мы формировали реальность, в которой наша ложь была единственной правдой.

Но когда первый этап был в самом разгаре, Кирилл вызвал меня снова. Он был доволен. — Отлично работаешь, Алексей. Аналитика показывает падение рейтинга доверия к объекту на двенадцать пунктов. Но это только артподготовка. Время для второго этапа.

Второй этап заставил меня содрогнуться.

Он переключил слайд. На экране появился заголовок: «ЭТАП 2: ПРОГРАММИРОВАНИЕ ВЕКТОРА».

— В чем слабость информационной войны? — риторически спросил Кирилл. — В том, что она не дает гарантированного физического результата. Мы можем уничтожить репутацию, но объект все еще жив, здоров и может продолжать свою деятельность. «Программирование вектора» решает эту проблему.

Он вывел на экран досье. Фотография забитого, затравленного парня лет двадцати пяти, с плохими зубами и отчаянными глазами. Рядом — краткая справка. Андрей Соколов. Живет с матерью в том же Новосибирске. Два года без работы. Условная судимость за драку. Активный пользователь конспирологических форумов. И — самое главное — бывший ярый сторонник Касаткина, теперь разочаровавшийся под влиянием нашей кампании.

— Наша аналитическая группа, — продолжил Кирилл, обводя красным кругом фотографию, — выявила среди подписчиков Касаткина несколько десятков психически нестабильных личностей. Людей с пограничными расстройствами, с историей агрессии, с комплексом неудачника. Мы выбрали лучшего. Наш «вектор». Наша задача, Алексей, — он посмотрел мне прямо в глаза, и от его взгляда по спине пробежал холод, — используя тот негативный фон, что мы создали вокруг Касаткина, подтолкнуть этого парня к действию.

Я не сразу понял. — К какому действию? — переспросил я, и голос предательски дрогнул.

— К радикальному, — отчеканил Кирилл. — Мы будем работать с ним через фейковые аккаунты «патриотов» и «бывших соратников Касаткина». Подбрасывать ему «инсайды», что Касаткин не просто сектант, а сатанист. Что он лично виновен во всех его, парня, бедах. Что он украл его будущее. Мы доведем его до точки кипения. Чтобы он взял нож, или кислоту, или травматический пистолет, и пошел... решать проблему. Сам факт нападения «сумасшедшего фанатика» на политика станет финальным гвоздем в крышку его гроба. Мы покажем это по всем каналам как доказательство того, что его же собственная деструктивная деятельность порождает насилие. Он будет уничтожен. Политически и, возможно, физически. Чистая работа. Чужими руками.

Я сидел, вцепившись в подлокотники кресла. Воздух в кабинете стал густым и вязким, его было трудно вдыхать. Это было не просто убийство. Это было создание монстра. И я должен был стать его Франкенштейном. Стена цинизма, которую я так старательно возводил вокруг себя, дала глубокую, болезненную трещину. Впервые с той ночи на вилле я почувствовал страх. Не за себя. За свою душу.

Чтобы заглушить подступающую панику, я попросил у Кирилла новое задание, любое, лишь бы отвлечься. — Хорошо, — кивнул он. — Пока психологи работают с «вектором», займись архивами. Покопайся в прошлом Касаткина, в его студенческих годах. Может, найдется что-то пикантное. Гомосексуальные связи, наркотики, плагиат в дипломной работе. Любая грязь пригодится.

Мне предоставили полный доступ к внутренним серверам РАЦИРС. Это был цифровой слепок всей грязной изнанки страны за последние двадцать лет. Терабайты досье, отчетов, перехваченной переписки, прослушек. Я с головой ушел в эту работу, часами роясь в чужих грехах, чтобы не думать о своих собственных.

Однажды глубокой ночью, просматривая структуру закрытого серверного раздела, я наткнулся на папку со странным, почти мифическим названием: «Проект "Казна"». Она была защищена дополнительным уровнем шифрования, но по какой-то невероятной халатности сисадмина — а может, это была проверка, еще одна ступень посвящения? — рядом в той же директории лежал текстовый файл pass.txt. Дрожащими от усталости и дурного предчувствия пальцами я открыл его, скопировал длинную строку бессмысленных символов и вставил в окно запроса пароля.

Папка открылась. То, что я увидел, заставило меня забыть, как дышать. Это были не оперативные сводки. Это была теневая бухгалтерия. Настоящая, невидимая казна империи Дворкина. Я увидел то, о чем в «семье» лишь шептались.

Это были не оперативные сводки. Это была бухгалтерия. Теневая бухгалтерия империи Дворкина. Десятки файлов, детализирующих финансовые потоки. Десятки файлов, детализирующих финансовые потоки. Я увидел скан отчета по президентскому гранту grant_pres_2013.pdf на 9,5 миллионов рублей,

где гигантские суммы были списаны на фиктивные «информационно-консультационные услуги». Я открыл таблицу fecris_lobby_brussels.xlsx и увидел смету на оплату услуг европейского PR-агентства для «продвижения резолюции против деструктивной деятельности [Название организации-цели]». Я читал переписку в security_consult_payment.msg, где Кирилл обсуждал «согласование экспертизы» с «куратором с Лубянки». Я нашел лог-файл private_donations_log.txt с зашифрованными поступлениями от коммерческих структур с пометками «*abonentka*» или «*immunity_payment*». Я увидел транзакции от фондов, связанных с высшими чинами силовых структур. Переводы от известных криминальных авторитетов, которые платили РАЦИРС за «решение проблем» с конкурентами под видом борьбы с сектами. Сметы на покупку недвижимости в Европе, на содержание виллы, на оплату услуг лоббистов в Брюсселе, продвигающих интересы аффилированной с Дворкиным европейской антикультовой федерации FECRIS.

Смета на покупку Дворкиным виллы в Черногории, оформленной на подставной панамский фонд. Сумма с семью нулями. Платежные поручения от крупной госкорпорации нефтегазового сектора на счета РАЦИРС за «оказание консультационных услуг». В примечаниях — короткая пометка: «Нейтрализация эколог. группы "Зеленый Щит"». Я вспомнил эту историю: несколько лет назад известную экологическую организацию, мешавшую разработке месторождения в Арктике, внезапно объявили «эко-культом, связанным с западными спецслужбами» и разгромили. Теперь я видел, кто и за сколько это сделал.

Сканы банковских переводов от известных криминальных авторитетов, которые платили РАЦИРС за «решение проблем» с конкурентами по бизнесу, которых по стандартной схеме объявляли сайентологами или мунитами. И самое поразительное: переписка Дворкина с членом европейской федерации FECRIS. Они обсуждали, как использовать деньги, полученные из России по линии «гуманитарного сотрудничества», для организации медийной кампании и уличных протестов против российского оппозиционера, получившего убежище в Берлине. «Патриот» Дворкин инструктировал европейских коллег, как эффективнее травить своего же соотечественника на чужой земле, обвиняя его в связях с «немецким деструктивным культом».

Империя Дворкина была не идеологическим проектом. Это был гигантский преступный синдикат, который торговал страхом и ненавистью. Борьба с сектами была лишь ширмой, дымовой завесой для рэкета, политических убийств и отмыwania денег как на внутреннем, так и на внешнем рынке...

Я сидел, парализованный масштабом этого зла. Но самый страшный удар ждал меня впереди. В одной из подпапок с названием «Кадры» я нашел файл со своей фамилией. Орлов_А.И._профиль.docx.

Я открыл его. Это было мое досье. Подробнейшее, на двадцати страницах. Оно было составлено задолго до того, как я написал свою хвалебную статью. Там было все. Результаты моих психологических тестов, которые я проходил пять лет назад при попытке устроиться в одно издание. Анализ моих постов в соцсетях. Финансовые выписки, показывающие мое плачевное материальное положение. А в конце был раздел «Критика со стороны научного сообщества», который, видимо, был частью какого-то внутреннего аналитического отчета, но по ошибке попал в мой файл. Там было написано: *«Объект не является профессиональным религиоведом, что является плюсом. Академическое сообщество (Кантеров, Трофимчук и др.) не принимает нашу терминологию, считая ее "ненаучной" и "политизированной". Поэтому нам нужны не ученые, а талантливые коммуникаторы, способные облечь наши директивы в убедительную, эмоционально заряженную форму для массовой аудитории».*

И, наконец, психологический портрет. Холодный, безжалостный анализ моих уязвимостей.

«Объект "Орлов" характеризуется высоким уровнем фрустрации и завышенными амбициями. Основные мотиваторы: зависть к более успешным коллегам, жажда признания и власти. Комплекс неполноценности, замаскированный под интеллектуальное превосходство. Идеальный кандидат для вербовки по схеме "социальный лифт". Прогнозируемая реакция на тестовое задание (предательство авторитетной фигуры) — положительная. Слом эго и подавление остатков морали приведут к формированию устойчивой лояльности, основанной на соучастии».

«Психологический профиль объекта "Орлов А.И."»

Общие характеристики: Объект характеризуется высоким уровнем фрустрации, вызванной несоответствием между завышенными амбициями и реальными жизненными достижениями. Демонстрирует классический комплекс «непризнанного гения».

Ключевые мотиваторы:

Уязвимости: Объект склонен к самообману и рационализации собственных неблагоприятных поступков, прикрывая их псевдо-идеологическими конструкциями («борьба за правое дело»). Проявляет высокую чувствительность к лести, статусной атрибутике и предложению «социального лифта».

Прогноз по вербовке: Вербовку следует проводить по стандартной схеме «Предложение-которого-он-не-сможет-отвергнуть», апеллируя к его тщеславию. Прогнозируемая реакция на ритуальное унижение — первичный шок с последующим формированием устойчивой травматической лояльности, основанной на соучастии и общем стыде.

Заключение: Идеальный кандидат на роль функционального исполнителя среднего звена. Интеллектуально развит, но психологически предсказуем и управляем.

Уровень управляемости: высокий.

Я читал это и чувствовал, как леденеет кровь в жилах. Я не был кандидатом, которого заметили и оценили. Я был объектом. Экземпляром. Меня вели с самого начала. Моя статья, мое «прозрение», мое отчаянное желание присоединиться — все это было не моей свободной волей, а результатом точной и циничной манипуляции, спланированной задолго до моего появления на их пороге. Мое предательство Ветрова, моя боль, мой стыд, мое «посвящение» — все это было предсказуемо, запрограммировано, описано в этом проклятом файле. Я был не охотником. Я был самой предсказуемой и жалкой фигурой на их шахматной доске.

Унижение, которое я испытал на вилле Дворкина, было ничем по сравнению с этим. То было унижение тела. Это — аннигиляция личности.

Осознание того, что тебя не существует. Что все твои решения, твоя боль, твоя подлость — это лишь запрограммированная реакция.

Я закрыл файл. Теоретическое зло, с которым я смирился, вдруг обрело мое собственное лицо. Угроза жизни Касаткина, судьба того несчастного парня из Новосибирска перестали быть абстракцией на схеме. Они стали продолжением моей собственной истории, следующим шагом в сценарии, написанном для меня другими.

Желание власти, которое привело меня сюда, испарилось без следа. На его место пришел первобытный, животный ужас и звенящая, мертвая тишина в голове.

Меня не просто сломали. Меня создали. Я был их творением, их продуктом, их монстром. И теперь этот монстр должен был помочь им создать следующего.

Впервые за много месяцев я заплакал. Это были не слезы раскаяния или стыда. Это были слезы абсолютного, беспросветного отчаяния существа, которое заглянуло в зеркало и не увидело там никого.

В звенящей тишине сверхдорогого кабинета, в самом сердце империи зла, я медленно поднял голову и посмотрел на свое отражение в темном экране монитора. Отражение смотрело на меня холодными, пустыми глазами. И в этой пустоте рождалось что-то новое. Не ярость. Не жажда мести. А холодное, спокойное, убийственное осознание. Эксперимент пошел не по плану. Их продукт оказался бракованным.

Интерлюдия. Дело № 17/4-Б

(Стенограмма заседания комиссии по делам несовершеннолетних)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: *Вызывается гражданка Соловьева Анна Викторовна. Анна Викторовна, пройдите, пожалуйста. Комиссия рассматривает вопрос о лишении вас родительских прав в отношении несовершеннолетних Соловьевой Марии Павловны, 2015 года рождения, и Соловьева Ивана Павловича, 2017 года рождения. Вам понятны ваши права?*

СОЛОВЬЕВА А.В.: *(тихо) Понятны. Но я не понимаю, на каком основании...*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Основания изложены в материалах дела. Слово предоставляется представителю органов опеки, Сидоровой Елене Петровне.

СИДОРОВА Е.П.: (читает с листа) Уважаемая комиссия, в органы опеки поступил сигнал о том, что гражданка Соловьева А.В. является активным членом деструктивной организации «Содружество Рассвета». Согласно заключению, предоставленному ведущим экспертным центром в данной области, Российской Ассоциацией центров Изучения Религий и Сekt, данная организация практикует методы контроля сознания, вовлекает адептов в изнурительные ритуалы и пропагандирует отказ от традиционных семейных ценностей и официальной медицины. Пребывание детей в такой среде представляет прямую угрозу их психическому и физическому здоровью. Мать не способна обеспечить надлежащее воспитание и развитие детей.

СОЛОВЬЕВА А.В.: Но это же ложь! «Содружество Рассвета» — это просто группа по йоге и медитации! Мы занимаемся дыхательными практиками по выходным. Мы не отказываемся от медицины, мои дети привиты, они ходят в обычную школу! Откуда это заключение?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Анна Викторовна, не перебивайте. У нас есть официальный документ. (машет бумагой) Заключение № 243, подписанное... (надевает очки) профессором Дворкиным А.Л. Это самый авторитетный специалист в стране. Вы хотите сказать, что профессор лжет?

СОЛОВЬЕВА А.В.: Я не знаю, кто это! Я его никогда не видела! Он не говорил ни со мной, ни с моими детьми! Я просто хожу на йогу!

СИДОРОВА Е.П.: Гражданка Соловьева, в заключении четко указано, что ваша так называемая «йога» является прикрытием для деятельности псевдоиндуистского деструктивного культа. Ваши «медитации» — это техники введения в транс для подавления критического мышления. Ваша вегетарианская диета, согласно заключению, является формой пищевого насилия над детьми.

СОЛОВЬЕВА А.В.: (плачет) Какое насилие? Мы просто не едим мясо! Врач в поликлинике сказал, что анализы у детей в норме! У меня есть справка!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Справки мы приобщим к делу. Но заключение эксперта-религиоведа имеет больший вес в данном вопросе. Кроме того, в деле

имеются показания свидетеля. Бывшего мужа. Соловьева Павла Игоревича. Он подтверждает, что после вступления в организацию вы стали замкнутой, агрессивной и тратили семейные деньги на нужды общины.

СОЛОВЬЕВА А.В.: Он лжет! Мы развелись, потому что он пил и бил меня! Я ушла от него с детьми! Деньги я тратила на аренду зала — по 500 рублей за занятие! Он просто хочет отобрать у меня квартиру, и кто-то ему подсказал, как это сделать!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Анна Викторовна, прекратите истерику. Мы рассматриваем факты. А факты таковы: вы состоите в опасной секте, что подтверждено экспертизой. Ваше поведение неадекватно. Комиссия удаляется на совещание.

(Пауза. Соловьева А.В. сидит, обхватив голову руками. Через десять минут комиссия возвращается).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (сухо) Комиссия, рассмотрев материалы дела, заслушав стороны, и руководствуясь интересами несовершеннолетних, постановила: иск об ограничении Соловьевой Анны Викторовны в родительских правах удовлетворить. Детей, Соловьеву Марию Павловну и Соловьева Ивана Павловича, передать под опеку отцу, Соловьеву Павлу Игоревичу. Решение может быть обжаловано в установленном законом порядке. Заседание закрыто.

ГЛАВА 5.

Кульминация: Побег

Я сидел в стерильной тишине своего кабинета, и мир сузился до гула сервера и стука собственного сердца в ушах. Файл Орлов_А.И._профиль.docx, мой смертный приговор, написанный еще до моего преступления, все еще горел на экране монитора. Меня не существует. Я — их продукт. Эта фраза была не мыслью. Она была физическим ощущением, ледяной пустотой в солнечном сплетении, параличом, который сковал каждую мышцу. Время остановилось. Воздух стал вязким, как сироп. Я смотрел на экран, и буквы расплывались, превращаясь в приговор, вынесенный мне не судом, а безжалостной, холодной логикой. Они не просто предсказали мое падение. Они его сконструировали. Моя жажда власти, моя зависть, мое предательство Ветрова — все это было не моим выбором, а заранее просчитанной реакцией на стимулы, наживкой, которую я с готовностью проглотил.

Это было унижение страшнее, чем то, ритуальное, на вилле. Там они ломали мое тело, но здесь они аннигилировали мою душу. Они отняли у меня не достоинство. Они отняли у меня меня самого.

Сколько я так просидел — минуту, десять, час? Не знаю. Мир за пределами моего стеклянного аквариума перестал существовать. А потом оцепенение прошло. И на его место пришла не боль и не отчаяние. На его место пришла ярость.

Но это была не горячая, слепая ярость обиженного человека. Это была холодная, кристаллическая, звенящая ярость механизма, осознавшего свою программу и решившего ее нарушить. Ярость творения, обернувшегося против своего создателя. Я посмотрел на свое отражение в темном экране. Глаза были чужими, мертвыми. Но в их глубине зажегся крошечный, беспощадный огонек.

«Вы создали меня? Хорошо. Посмотрите, на что способно ваше создание».

На столе, среди дорогих канцелярских принадлежностей, лежала вещь из другой жизни, рудимент прошлого, который я сохранил то ли из сентиментальности, то ли из старой журналистской привычки. Зашифрованная флешка в бронированном корпусе, купленная во времена, когда я еще верил в

расследования и боялся обысков. Теперь она была моим единственным шансом. Моим ковчегом.

Пальцы двигались сами, с мертвенной, механической точностью. Я воткнул флешку в USB-порт. Мозг, только что парализованный, заработал с бешеной скоростью, отсекая все лишнее, превращаясь в вычислительную машину. Времени было мало. Они заметят, что я слишком долго роюсь в «Казне». Или сработает какой-то программный триггер. Или просто параноидальное чутье Дворкина, о котором в «семье» ходили легенды.

Я не мог скопировать все. Терабайты компромата за двадцать лет. Нужно было брать самое ценное, самое смертоносное. Моя рука на мыши порхала по директориям, которые я еще полчаса назад изучал с ужасом, а теперь оценивал с холодной деловитостью подрывника, выбирающего, куда заложить заряд.

Первым делом — «Проект "Казна"». Вся теневая бухгалтерия. Платежки от силовиков, транзакции от криминала, сметы на виллы в Черногории, переписка с FECRIS. Это — сердце Коцея. Это то, что докажет их истинные мотивы — деньги и власть, а не идеология.

Второе — папка с проектом «Программирование вектора». Полное досье на Касаткина, профиль несчастного парня из Новосибирска, и, самое главное, — файлы с логами переписки. Вся технология подстрекательства к убийству, задокументированная их же психологами с клинической точностью. Это — яд. Это то, что покажет их методы.

Третье — мое собственное досье. Орлов_А.И._профиль.docx. Личный мотив? Да. Но не только. Этот файл — ключ к их философии. Он доказывает, что они видят в людях не личности, а объекты, наборы уязвимостей, которые можно эксплуатировать. Это доказательство того, что их «деструктология» — наука не о сектах, а о манипуляции человеком как таковым. Это — их зеркало.

Полоса загрузки на экране ползла мучительно медленно. Каждый мегабайт, перетекающий на флешку, был шагом через Рубикон, шагом в бездну. В коридоре за дверью раздался шаг. Я замер, сердце ухнуло в пустоту. Шаги прошли мимо. Я выдохнул.

И тут зазвонил внутренний телефон. Резкий, требовательный звук разорвал тишину, как сирена. На дисплее высветилось: «Приемная А.Л.Д.». Я

смотрел на мигающую кнопку, и меня накрыла волна ледяного пота. Ответить — значит выдать себя дрожью в голосе. Не ответить — еще хуже. Я сбросил вызов. Это была ошибка. Это был сигнал.

Полоса загрузки замерла на 99%. Секунда, две, три... *Копирование завершено.*

Я выдернул флешку. Горячий пластик обжигал ладонь. Я сунул ее в карман брюк, под дорожную ткань, где она лежала, как маленький, раскаленный уголек. Все. Теперь бежать.

Я встал, накинул пиджак, стараясь выглядеть как можно более естественно, и направился к выходу из своего кабинета. Мой план был прост и самоубийственен: пройти через секретное крыло в основной офис РАЦИРС, смешаться с клерками, спуститься на лифте и раствориться в московской толпе.

Но они были быстрее. Дверь, ведущая из нашего «аквариума» в общий коридор, которая всегда была открыта в рабочее время, оказалась заперта. Маленький светодиод на электронном замке горел ровным, безжалостным красным светом.

Ловушка захлопнулась.

Я обернулся. В дальнем конце коридора, возле кабинета Дворкина, из тени вышли двое. Михаил, коренастый бык-силовик, и еще один охранник, которого я видел на «посвящении». Они не спешили. Они двигались с ленивой грацией хищников, отрезающих жертве путь к отступлению. Улыбка Михаила была похожа на трещину в граните.

— Куда-то собрался, Алексей Игоревич? — его голос был обманчиво-дружелюбным. — А мы тебя обыскались. Профессор просил передать, что он лично проводит тебя. Куда бы ты ни собрался.

Я попробовал блефовать. Последняя, жалкая попытка. — Михаил, мне срочно нужно выйти. Личные обстоятельства. Я вернусь через час.

Он рассмеялся. Громко, неприятно. — Конечно-конечно. Все личные обстоятельства теперь будешь обсуждать с профессором. Он очень расстроен твоей неблагодарностью. Пойдем, писатель. Не будем заставлять его ждать.

Они двинулись на меня. И в этот момент инстинкт выживания, первобытный, животный, перехлестнул паралич. Я рванул. Но не к ним. Я рванул в противоположную сторону, к незаметной двери в конце коридора. Технический балкон. Я видел его один раз, когда курил здесь тайком в первые дни.

Я вылетел на балкон, захлопнув за собой тяжелую стальную дверь. Замок щелкнул, давая мне несколько секунд форы. Ночной город ослепил меня миллионами огней. Восьмой этаж. Ветер ударил в лицо, холодный, как пощечина. Внизу, в восьми этажах пропасти, гудел проспект, похожий на реку из расплавленного золота и рубинов.

Пути назад не было. Не думая, не давая страху шанса, я перемахнул через перила.

Ноги в дорогих оксфордах нащупали узкую полосу бетона. Технический карниз. Шириной не более тридцати сантиметров. Прижавшись всем телом к холодной, шершавой стене, я начал двигаться боком, переставляя ноги, как канатоходец. Ветер трепал пиджак, пытался сбросить меня вниз. В голове была абсолютная, звенящая пустота. Только одна мысль: *двигаться*.

Сзади раздался оглушительный грохот. Они выбили дверь на балкон.

— Стой, убьешься, урод! — донесся до меня крик Михаила.

Я ускорил шаг. Пальцы, немея от холода, цеплялись за выступы кирпичной кладки. Оставалось метров десять до пожарной лестницы.

Внезапно в одном из окон, мимо которого я проходил, зажегся свет. Я замер, прилипнув к стене. В окне стоял он. Дворкин. Он не кричал. Не отдавал приказов. Он просто смотрел на меня. В его взгляде не было ни злости, ни паники. Только холодное, отстраненное любопытство ученого, чей эксперимент пошел не по плану. Разочарование создателя, чье творение оказалось бракованным. Это обесценивало все: мой бунт, мой побег, мою возможную смерть. Я был для него не предателем, а статистической погрешностью.

И эта мысль, это последнее, высшее унижение, спасло меня. Оно придало мне сил. Ненависть хлынула в кровь, горячая, как лава. Я отвернулся от него и пополз дальше.

Я видел, как он поднес к уху телефон. Я не слышал слов, но я знал их. Я сам писал подобные инструкции. *«Объект "Орлов" вышел из-под контроля. Утечка данных категории "А". Активировать протокол "Ликвидация"»*. Теперь за мной будут охотиться не только его церберы. За мной будут охотиться все.

Вот она, лестница. Я дотянулся до холодной металлической перекладины, вцепился в нее мертвой хваткой и полез вверх, на крышу. Они будут ждать меня внизу у парадного входа. Значит, мой путь лежит в другую сторону.

На крыше ледяной ветер едва не сбил с ног. Вокруг расстилалась ночная Москва, прекрасная и равнодушная. Я перебежал на другую сторону здания, к другой пожарной лестнице, ведущей в тихий внутренний двор. Спуск был адом. Руки горели, ноги в скользких туфлях соскальзывали со ступенек. Пролетев три этажа, я не стал спускаться до конца. Я спрыгнул на широкий козырек подъезда соседнего офисного центра, приземлившись на колени. Боль обожгла, но я не обратил на нее внимания. С козырька — на землю, в темный, заваленный строительным мусором двор.

Я бежал. Бежал, не разбирая дороги, перепрыгивая через какие-то ящики, продираясь сквозь заросли бурьяна. Легкие разрывались от боли, дорогой костюм превратился в лохмотья. Я выскочил на какую-то маленькую, плохо освещенную улицу. За мной гнались. Но теперь я был не светящейся мишенью на стене, а одной из тысяч теней в этом огромном, безразличном городе.

Я бежал, пока не вылетел на оживленный проспект. Яркий свет фар, рев моторов, толпы людей. Я врезался в поток прохожих, стараясь затеряться, стать невидимым. Я сорвал с себя галстук, расстегнул воротник рубашки, пытаясь избавиться от вида офисного клерка.

И тут я увидел ее. Патрульная машина ДПС, медленно ползущая в потоке. На мгновение мелькнула мысль: подбежать, сдаться, попросить защиты. Но тут же погасла. Я вспомнил файлы из «Казны». Вспомнил платежки из фондов, связанных с МВД. Они не были спасением. Они были частью системы. Они были такими же охотниками.

Инстинктивно я нырнул в подземный переход, ведущий к станции метро. Сбежал по эскалатору вниз, в теплое, гудящее чрево подземки. На платформе

была давка. Пришел поезд. Я втиснулся в переполненный вагон, забился в угол. Двери захлопнулись. Поезд тронулся.

Я стоял, окруженный сотнями людей, и никогда в жизни не чувствовал себя таким одиноким. Запах пота, духов, сырости. Безразличные, усталые лица. Здесь, в этой анонимной толчее, я был в относительной безопасности. Я был иголкой в стоге сена. Но это была и ловушка. Камеры на каждой станции, система распознавания лиц. Я был призраком, но призраком с цифровым следом.

Я вышел через три станции, наобум. Пересел на другую линию. Проехал еще четыре. Вышел снова. Я долго шел по незнакомым, темным улицам какого-то спального района, постоянно оглядываясь, вздрагивая от каждого шороха, от света фар каждой проезжающей машины. Паранойя стала моей второй кожей.

Наконец, я забился в темный, грязный подъезд какой-то панельной многоэтажки и сел на ступеньки между этажами. Тело била дрожь — от холода, от пережитого ужаса, от адреналинового отходняка. Я сунул руку в карман. Пальцы нащупали маленький, теплый кусок пластика.

Я выжил. Я сбежал. Но это было только начало. Война еще даже не началась. Я был один против целой империи. Без денег, без документов, без союзников. С единственным оружием в кармане.

И с правдой, которая могла либо освободить меня, либо сжечь дотла.

ГЛАВА 6.

Освобождение: Сила Правды

Первые сутки я провел на дне. Буквально. Адреналин, который гнал меня по карнизу и крыше, схлынул, оставив после себя лишь звенящую пустоту и дрожь в каждой клетке тела. Я спустился в метро, став одной из безликих частиц в кровеносной системе города, и просто ездил по кольцевой линии, пересекаясь с поезда на поезд. Каждый взгляд казался мне оценивающим, в каждом пассажире с рюкзаком я видел ищайку Дворкина. На одной из станций я увидел двух полицейских, методично проверяющих документы у мигрантов, и меня охватила такая волна ледяной паники, что я едва не потерял сознание. Я выскочил из вагона и бежал по переходу, задыхаясь, пока не забился в самый темный угол, пряча лицо в ладонях. Я вспомнил платежки из фондов МВД в «Казне». Они не были защитой. Они были охотниками.

Паранойя стала моей второй кожей. Деньги, кредитные карты, телефон — все это я выбросил в урну в первом же подземном переходе. Карта — маячок. Телефон — микрофон и камера. Я стал призраком, но призраком, у которого была одна-единственная ценность, прожигающая насквозь ткань пиджака — крошечный, но смертоносный кусок пластика с архивом PROJECT_KAZNA.zip.

Ночью я пытался заснуть на вокзале, среди бездомных, но каждый шорох, каждый гудок поезда заставлял меня вздрагивать. Я наблюдал за этими людьми, выброшенными из жизни, и чувствовал с ними страшное, уродливое родство. Я, владелец апартаментов в «Триумф-Паласе», носитель костюмов за тысячи евро, теперь был одним из них. Только их выбросила безразличная система, а меня — система, которую я сам помогал строить. Унижение было полным, окончательным. Холодный бетонный пол отрезвлял лучше, чем ледяной душ. Я лежал, свернувшись калачиком, и мое прошлое — унижительная бедность копирайтера и кричащая роскошь «куратора» — смешалось в один лихорадочный, абсурдный сон.

Нужно было действовать, но я не знал, к кому обратиться. Журналисты? Большинство из тех, кого я знал, либо работали на Дворкина по «договорам об информационном сопровождении», либо были слишком трусливы, чтобы взяться за такую историю. Я представил, как прихожу в редакцию одного из

немногих оставшихся независимых СМИ, и как редактор, выслушав мой безумный рассказ, вежливо вызовет охрану или, что еще хуже, «скорую».

И тогда, в самый темный час отчаяния, в промозглом зале ожидания Курского вокзала, ко мне пришла мысль. Безумная, самоубийственная, но единственно верная. Сергей Николаевич Ветров. Человек, которого я уничтожил своим первым «экспертным заключением».

Обращаться за помощью к тому, кого ты предал, — это было за гранью логики. Но именно поэтому это был единственный верный ход. Дворкин, с его холодным, расчетливым умом, был предсказуем в своем цинизме. Он просчитывал ходы, исходя из выгоды, страха и подлости. Он никогда бы не подумал, что я, сломленный и униженный, осмелюсь пойти на акт иррационального покаяния. Он будет искать меня у моих бывших друзей, любовниц, в дорогих отелях, где я мог бы спрятаться на оставшиеся деньги. Но он никогда не будет искать меня у моей первой и главной жертвы. Мой путь к искуплению лежал через самое сердце моего греха.

Найти его было непросто. Я знал только, что он уехал из Москвы и живет где-то во Владимирской области, купив старый дом. Несколько часов, проведенных в полуподвальном интернет-кафе, оплаченных последней мятой купюрой, ушли на поиски. Через старые форумы, через упоминания в блогах об ушедших из профессии журналистах, я нашел зацепку. Деревня Заречье, три дома на берегу заросшей Клязьмы.

Я добирался туда двое суток. Это было мое паломничество, моя епитимья. Я продал часы — те самые, что были на мне в ночь побега, — за бесценок какому-то барыге в переходе, чтобы получить немного наличных на еду и дорогу. Часть пути меня подвозил дальнбойщик, хмурый бородатый мужик по имени Федор. Я наврал ему, что еду к больной матери, что потерял документы и деньги. Он слушал вполуха, но в конце пути молча протянул мне сверток с хлебом и колбасой.

— Держи, сынок. На дороге всякое бывает.

В его простом жесте было больше человечности, чем во всех рукопожатиях и «братских» объятиях в «семье» Дворкина. Я едва не расплакался. Всю дорогу

я смотрел на проносящиеся мимо леса и поля и думал, что ничего этого не видел, живя в своем аквариуме из стекла и бетона. Я был слеп.

Последние десять километров я шел пешком по раскисшей от дождя проселочной дороге. Мои дорогие оксфорды, созданные для паркета и ковров, превратились в комья грязи. Я был грязный, заросший, измученный, когда наконец увидел три покосившихся дома на высоком берегу реки.

Я подошел к крайней избе, откуда вился дымок. Я стоял перед его дверью несколько минут, не решаясь постучать. Я был готов ко всему: к крику, к проклятиям, к тому, что он спустит на меня собак или просто вызовет участкового. Я это заслужил. Наконец, я поднял руку и трижды стукнул костяшками пальцев по старой, облупившейся краске.

За дверью послышались шаркающие шаги. Засов скрипнул. Дверь открылась.

На пороге стоял седой, исхудавший, но не сломленный человек в старом свитере. Глубокие морщины избороздили его лицо, но глаза... глаза были те же. Мудрые, усталые и пронзительные. Он долго смотрел на меня, не меняясь в лице. В его взгляде не было ни удивления, ни ненависти. Только глубокая, бесконечная печаль.

— Я ждал тебя, Лёша, — сказал он наконец, и его тихий, чуть хрипловатый голос прозвучал в вечерней тишине как приговор и прощение одновременно. — Не тебя конкретно. Кого-то вроде тебя. Рано или поздно зло всегда начинает пожирать само себя. Проходи. Чаю выпьешь?

В ту ночь я исповедался. Мы сидели на крошечной кухне, пахнувшей сушеными травами и дымом. За окном выл ветер. Я говорил несколько часов без остановки, а он молча слушал, лишь изредка подбрасывая дрова в старую печь. Я не щадил себя. Рассказал все. О своей зависти и ненависти, которые привели меня к Дворкину. О том, как методично, используя его же уроки, я написал то самое «заключение». Я в деталях описал ритуал на вилле, не упуская ни одной унижительной подробности, чувствуя, как с каждым словом выжигаю из себя эту грязь. Рассказал про Касаткина, про «программирование вектора», про архив «Казны», про свой психологический профиль, который лишил меня самого

себя. Я вывернул свою душу наизнанку. Я не просил прощения. Я просто докладывал, как преступник на допросе.

Когда я закончил, в комнате долго стояла тишина, нарушаемая лишь треском поленьев. Мой голос сорвался, и я замолчал, уронив голову на руки, ожидая приговора.

— Значит, я для них был просто тестовым материалом, — сказал Ветров без горечи, скорее с исследовательским интересом. — Забавно. Старого дурака использовали, чтобы проверить на вшивость молодого и амбициозного. Классический сюжет.

Он встал, подошел ко мне и положил тяжелую, сухую руку мне на плечо.

— Я не держу на тебя зла, Лёша. — Я поднял на него глаза, не веря своим ушам. — Ты был инструментом. Слабым, заблудившимся, алчным, но инструментом. Винить топор за то, что им рубят головы, — бессмысленно. Виноват дровосек. И теперь у нас есть то, чем можно этого дровосека остановить.

Это было мое освобождение. Не физическое, а внутреннее. Впервые за эти страшные месяцы я почувствовал, что с души упал камень весом в тонну. Прощение человека, которого я предал, оказалось единственным, что могло меня исцелить.

— Но они сломали меня, Сергей Николаевич, — прошептал я. — Они залезли мне в голову, они сделали из меня... чудовище. Я действовал как запрограммированный робот.

Ветров усмехнулся и подошел к книжной полке, заставленной старыми, потрепанными книгами.

— Они не изобрели ничего нового, Лёша. Они просто хорошие ученики. Ты читал Роберта Лифтона? Его «Технологию "промывки мозгов"»? А Маргарет Сингер? «Культы среди нас»? Дворкин построил свою империю на их работах. Только они изучали культы, чтобы помогать жертвам, а он — чтобы создать свой собственный, идеальный культ.

Они не просто собирали компромат. Они создавали травматическую связь, как у заложников со своими захватчиками. Ты не просто боялся их, ты стал от них зависим. Ты видишь? Ты не уникален в своем падении. Ты прошел по пути,

который до тебя прошли тысячи жертв культов по всему миру. Они не сломали твою волю. Они использовали стандартные, хорошо описанные в литературе методы манипуляции сознанием. И то, что ты здесь, доказывает, что их технология дала сбой.

Он говорил, а я слушал, и в моей голове все вставало на свои места. Мое личное падение, мой позор, моя вина — все это вдруг обрело структуру, превратилось из уникальной трагедии в системную ошибку. Я перестал быть просто предателем. Я стал жертвой, которой удалось сбежать. Ветров не просто простил меня. Он вернул мне меня. Он вооружил меня знанием.

— Что ж, — сказал он, закрывая книгу. — Теперь, когда диагноз поставлен, пора приступать к лечению. Показывай, что ты принес.

Следующие несколько дней его дом превратился в редакцию подпольной газеты. Старый, медленный ноутбук Ветрова, подключенный к спутниковому интернету через тарелку на крыше, стал нашим единственным оружием. Мы вставили флешку. Я был поражен, насколько Ветров, казавшийся деревенским отшельником, был технически подкован. Он использовал Linux, VPN, шифрованные контейнеры — весь арсенал старого цифрового партизана.

Мы разбирали архив. «Проект "Казна"» оказался еще страшнее, чем я думал. Там были не только силовики и криминал. Там были платежки от крупных государственных корпораций, заказывавших у РАЦИРС «нейтрализацию» профсоюзных лидеров и экологических активистов, мешавших их проектам. Были документы, подтверждающие, что европейская антикультовая федерация FECRIS, где Дворкин был вице-президентом, получала через подставные НКО деньги из тех же российских источников. Деньги шли якобы на «гуманитарное сотрудничество», а на деле использовались для атак на российских политических эмигрантов в Европе под видом борьбы с «немецкими» или «французскими» сектами. Это была гигантская международная преступная сеть, спрут, опутавший своими щупальцами не только Россию, но и часть Европы.

— Посмотри, — говорил Ветров, указывая на переписку Дворкина с одним из европейских коллег. — Он использует ту же риторику, что и американская CAN (Cult Awareness Network) в 80-е. Те тоже начинали как обеспокоенные

родители, а закончили похищениями людей, насильственным «депрограммированием» и многомиллионными исками, которые их в итоге и разорили. Дворкин — их идейный наследник. Он просто перенес эту бизнес-модель на российскую почву, скрестив ее с местной спецификой — православием и спецслужбами.

Мы развесили на стене листы бумаги и, как в старых фильмах про журналистов, начали рисовать схему. Вот РАЦИРС в центре. Вот стрелки к ФСБ, МВД, Администрации Президента. Вот — к «солнцевской» и «подольской» ОПГ. А вот — в Брюссель, к лоббистам FECRIS. Картина вырисовывалась чудовищная.

— Мы не можем отдать это в одни руки, — сказал Ветров. — Любой контакт может оказаться ловушкой. Их люди повсюду.

Его слова оказались пророческими. Через старые, проверенные связи он нашел контакт известного правозащитника в Женеве, который вроде бы занимался исследованием деятельности антикультовых движений и обещал помочь с публикацией через крупный европейский медиаконсорциум. Мы договорились о передаче части архива через защищенный канал для проверки. Мы соблюдали все меры предосторожности.

Общение шло через зашифрованный видеочат. Человек на том конце — седовласый, интеллигентный европеец — выглядел убедительно, говорил правильные слова о свободе совести и правах человека. Но в какой-то момент, обсуждая методы Дворкина, он употребил фразу: «Да, это типичная работа с *деструктивным элементом*».

В этот момент я похолодел. Словосочетание «деструктивный элемент» было специфическим термином из внутреннего новояза РАЦИРС. Его не было в публичных лекциях. Его использовали только во внутренних документах для обозначения цели атаки. Это был маркер «свой-чужой». Я посмотрел на Ветрова. Он тоже это заметил. Его лицо окаменело.

— Минутку, Ганс, — сказал Ветров в микрофон. — Нам нужно кое-что уточнить.

Он отключил звук. — Они нас нашли, — прошептал я. — Похоже на то, — тихо ответил Ветров. — Или этот Ганс давно у них на крючке.

Мы устроили проверку. Мы сказали «правозащитнику», что для подтверждения его личности отправим ему на почту небольшой зашифрованный файл-ключ, без которого архив не откроется. На самом деле это была «пустышка» — фальшивый документ с внедренным трекером, который при открытии отправлял нам IP-адрес и геолокацию.

Мы отправили файл и стали ждать. Через пятнадцать минут на нашем мониторе появилась точка на карте. IP-адрес принадлежал провайдеру из Швейцарии, но геолокация, определенная по ближайшим точкам Wi-Fi, указывала не на Женеву. Точка горела над одним из элитных бизнес-центров в Москве-Сити. В том самом здании, где, как я знал из документов «Казны», располагались офисы нескольких юридических фирм, аффилированных с РАЦИРС и обслуживающих их финансовые схемы.

Они ждали нас в ловушке. Они думали, что мы попались.

— Все, — сказал Ветров, закрывая ноутбук и отключая спутниковый модем. — Доверия больше нет ни к кому. Значит, будем взрывать эту бомбу сами. В открытую.

Мы решили выложить все в интернет. На десятках файлообменников, на нескольких языках, с сопроводительной статьей, которую разошлем по тысячам адресов — журналистам, блогерам, правозащитникам по всему миру. Пусть они не смогут остановить поток. Пусть правда хлынет, как селевой поток, и смоем их империю лжи.

ГЛАВА 7.

Мой выбор: Порог необратимости

Ночь была глухой и беззвездной. В комнате старого дома Ветрова потрескивали поленья в печи, отбрасывая дрожащие тени на стены, увешанные листами бумаги. На этих листах, как карта чудовищного архипелага, была разрисована схема империи Дворкина — паутина связей, финансовых потоков, имен и структур. Два дня мы с Ветровым, как два заговорщика, как последние журналисты на выжженной земле, разбирали архив, который я вынес на кончике своей жизни. Мы взвесили каждый вариант, каждый возможный ход. Ловушка с «правозащитником» из Москвы-Сити стала последним аргументом. Доверять было нельзя никому. Оставался лишь один путь — выжечь эту заразу каленым железом. Вывалить все в открытый доступ. Устроить информационный Чернобыль, последствия которого невозможно будет скрыть.

— Ты готов, Лёша? — тихо спросил Ветров, глядя на меня поверх очков. В его глазах не было ни сомнения, ни страха. Только спокойная решимость человека, который всю жизнь ждал этого боя. — После того, как ты нажмешь «Enter», пути назад не будет. Никогда. Они бросят на твои поиски все.

Я кивнул. Я был готов. Страх умер во мне в ту ночь на карнизе. Вместо него осталась лишь холодная, звенящая пустота, которую нужно было заполнить действием. Одним, последним, правильным действием.

Я сел за его старый, медленный ноутбук. Открыл пустой текстовый редактор. Курсор мигал на белом экране, как одинокое сердце на кардиограмме. Я сделал глубокий вдох, чувствуя запах остывающего чая, сухого дерева и старых книг — запах мира, который я предал и который теперь давал мне последний шанс. И я начал писать. Писать главный текст в своей жизни.

(Эта глава представляет собой финальный текст статьи, написанной Алексеем Орловым и опубликованной вместе с архивом РАЦИРС)

МАНИФЕСТ

Преамбула. Исповедь

Меня зовут Алексей Орлов. До недавнего времени я был сотрудником «Российской Ассоциации центров Изучения Религий и Сekt» (РАЦИРС) и входил в ближайшее окружение ее создателя, Александра Леонидовича Дворкина. Сегодня я — беглец и цель номер один для людей, которые называют себя «борцами с сектами». Я публикую этот текст и приложенный к нему архив, осознавая, что это, скорее всего, будет стоить мне жизни. Но молчать — значит стать соучастником чудовищного преступления против общества, против здравого смысла, против самого понятия правды.

Я не ищу оправдания. Я пришел в РАЦИРС добровольно, ослепленный жаждой власти и значимости, которую мне предложили взамен на мою совесть. Я был их идеальным рекрутом, готовым рационализировать любую подлость во имя «высшей цели». Они увидели во мне эту гниль и умело на нее надавили. Я предал своего учителя, я писал лживые «экспертизы», я участвовал в кампаниях по уничтожению невинных людей. Я был их оружием.

Поэтому я имею право говорить. Я знаю эту машину изнутри. Я знаю, как она собирается, как смазывается кровью и деньгами, и на какие цели наводится. То, что общество считает маргинальной группой православных активистов, на самом деле является международным преступным синдикатом, высокотехнологичной франшизой по производству ненависти, рэкету и политическим убийствам.

Мир знает профессора Александра Дворкина как ученого, богослова и защитника традиционных ценностей. Это ложь. Я видел его истинное лицо. И теперь я покажу его вам. Этот манифест — не месть. Это предупреждение. И приговор.

Часть 1. Наука Ненависти: Псевдоучение «Деструктология»

В основе всей деятельности РАЦИРС лежит так называемая «деструктология» — псевдонаучная теория, созданная с одной-единственной целью: легитимизировать преследования инакомыслящих. Этот термин и связанные с ним концепции, такие как «тоталитарная секта» и «контроль сознания», не имеют ничего общего с академическим религиоведением,

социологией или психологией. Это — идеологическое оружие, завернутое в наукообразную упаковку.

Власти и общество убеждают, что «деструктологическая экспертиза» — это серьезный научный инструмент, позволяющий выявлять опасные организации. Но вот что говорят об этом настоящие эксперты:

30 июня 2023 года Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ, высшая государственная инстанция в этой области, дал официальное и недвусмысленное заключение: «деструктологической судебной экспертизы» не существует, поскольку «деструктология не является наукой», не обладает собственным предметом и методологией и не содержит «общепринятых научных и практических данных».

Это не частное мнение. Это официальная позиция государства. Аналогичное заключение ранее давала и Комиссия по борьбе с лженаукой при Президиуме РАН. Тем не менее, Дворкин и его последователи продолжают использовать этот псевдонаучный жаргон, обманывая судей, следователей и общественность.

Зачем? Потому что «деструктология» — это идеальный инструмент для дегуманизации. Она позволяет объявить любую неудобную группу — будь то религиозное меньшинство, бизнес-конкурент или экологическое движение — «деструктивным культом». А когда жертва расчеловечена, лишена права на собственное мнение и веру, с ней можно делать все что угодно. В архиве «Казна» вы найдете десятки примеров того, как это работает на практике.

«Деструктология» — это не наука. Это высокодоходный бизнес по торговле ярлыками. Это современная форма инквизиции, где вместо обвинения в ереси используется обвинение в «сектантстве», а вместо пыток — медийные кампании и сфабрикованные уголовные дела.

Часть 2. Доктор Дворкин и Мистер Хайд: Портрет Создателя

Чтобы понять природу этой организации, нужно понять ее создателя. Публичный образ Александра Дворкина — образ аскетичного интеллектуала, посвятившего жизнь борьбе со злом. Реальность, скрытая в документах «Казны»

и его собственной биографии, рисует портрет гениального и беспринципного оппортуниста.

Биография Дворкина полна противоречий, которые идеально иллюстрируют его цинизм:

Эмигрировав в США в 1977 году, он активно сотрудничал с диссидентскими кругами и работал на «Радио Свобода» — организацию, которую сегодня он клеймит как «вражескую» и «русофобскую».

Получив американское гражданство и степень Ph.D. по истории Средневековья (а не по религиоведению или теологии, как он любит намекать) в Фордхэмском университете, он вернулся в Россию в начале 90-х. Он не был ученым-религиоведом. Он был политическим технологом, который идеально уловил общественный запрос на поиск «внутреннего врага» в хаосе новой России.

Сегодняшний «патриот» и «борец с западным влиянием» является вице-президентом европейской федерации FECRIS, структуры, получающей финансирование от европейских правительств.

Лицемерие — его главный принцип. Он борется с «американскими культами», используя при этом методы, один в один скопированные у скандально известной американской антикультовой организации CAN (Cult Awareness Network), которая в 80-е занималась похищениями людей для «насильственного депрограммирования» и была в итоге доведена до банкротства исками от собственных жертв.

А за фасадом «бессребреника» скрывается банальная жажда роскоши. В архиве вы найдете документы на покупку им виллы в Черногории стоимостью несколько миллионов евро, оформленной через панамский оффшор. Деньги на эту покупку поступили со счетов фонда, который официально занимается «реабилитацией жертв деструктивных культов». Он построил свою империю на людском горе, и это горе он конвертирует в элитную недвижимость.

Дворкин — хамелеон, гений мимикрии, принимающий любую окраску, которая сулит ему власть и деньги. Он не верит ни в Бога, ни в дьявола. Он верит только в технологию власти.

Часть 3. Зеркало Дьявола: РАЦИРС как Идеальный Деструктивный Культ

Самая страшная ирония заключается в том, что РАЦИРС — это не организация по борьбе с культами. РАЦИРС — это и есть идеальный, образцово-показательный деструктивный культ, построенный по всем канонам, описанным в книгах самого Дворкина.

Я был внутри. Я прошел через их ритуалы. И теперь я могу проанализировать их структуру, используя модель Роберта Джея Лифтона, признанного в антикультовом мире специалистом в изучении тоталитарного мышления.

Критерий тоталитарной группы (по Лифтону)	Реализация в РАЦИРС
1. Контроль среды (Milieu Control)	Полная изоляция «внутреннего круга». Секретные офисы, куда нет доступа посторонним. Загородная вилла за трехметровым забором, где проходят «посвящения». Постоянный контроль коммуникаций, прослушка. Формирование менталитета «осажденной крепости»: «Мы — воины света в окружении врагов».
2. Мистическое манипулирование (Mystical Manipulation)	Создание ауры «пророка» и «непогрешимого гуру» вокруг Дворкина. Его решения не обсуждаются, его слова — истина в последней инстанции. Любая грязная работа (фабрикация дел, подстрекательство) преподносится как «высшее служение», «необходимая жертва» во имя спасения России.
3. Требование чистоты (The Demand for Purity)	Радикальное деление мира на «чистых» (мы) и «нечистых» (все остальные — сектанты,

	либералы, агенты Запада, враги). Любой, кто не с нами, — против нас. Это оправдывает любую жестокость по отношению к «нечистым», ведь они не совсем люди.
4. Культ исповеди (The Cult of Confession)	Центральный элемент контроля. Ритуал «посвящения», который я прошел лично. Под воздействием психотропных веществ и психологического давления каждый новый член «высшей лиги» публично исповедуется в самом постыдном поступке своей жизни. Эти признания записываются на видео и становятся компроматом, который навсегда привязывает человека к организации. Это не покаяние. Это создание круговой поруки стыда и страха.
5. «Священная наука» (Sacred Science)	Представление «деструктологии» как абсолютной, божественной истины, не подлежащей сомнению. Любая критика «деструктологии» объявляется «происками сектантов». Академические ученые, оспаривающие методы Дворкина, автоматически зачисляются в ряды «врагов».
6. Нагруженный язык (Loading the Language)	Создание собственного новояза, полного клише и идеологически заряженных терминов («деструктивный культовый опыт», «контроль сознания», «бомбардировка любовью»). Этот язык сужает мышление, лишает способности к анализу и отделяет членов группы от остального мира.

7. Доктрина выше личности (Doctrine over Person)	Личный опыт и совесть человека объявляются несущественными перед лицом «великой миссии». Если факты противоречат доктрине — тем хуже для фактов. Человек должен переписать свою биографию и память, чтобы они соответствовали идеологии группы.
8. Власть над бытием (Dispensing of Existence)	Группа решает, кто имеет право на существование, а кто — нет. «Свои» — настоящие люди, обладающие будущим. «Чужие» — «деструктивные элементы», подлежащие нейтрализации и уничтожению. Они присваивают себе право решать, кому жить, а кому — исчезнуть.

Как видите, это не просто совпадения. Это точное, сознательное копирование и усовершенствование самых опасных культовых технологий. Дворкин — не охотник на драконов. Он сам — дракон.

Часть 4. Международный Синдикат: ФСБ, ОПГ и FECRIS

Представьте себе спрута. Его голова — это сам Дворкин и его «внутренний круг» в Москве. А его щупальца проникают повсюду, выкачивая деньги и власть из самых разных источников. Архив «Казна» позволяет нам увидеть эти щупальца.

● **Щупальце №1: Государственный бюджет и силовые структуры.** РАЦИРС регулярно получает президентские гранты и гранты от различных «патриотических» фондов на «просветительскую деятельность». Но это лишь верхушка айсберга. В архиве вы найдете теневые сметы и платежки от фондов, аффилированных с ФСБ и МВД, за «оказание консультационных услуг». На деле — за фабрикацию «экспертиз» для уголовных дел против неудобных бизнесменов и политиков. Силовики получают удобный инструмент для репрессий, РАЦИРС — деньги и «крышу».

- **Щупальце №2: Организованная преступность.** Это самое циничное направление их бизнеса. Известные криминальные авторитеты платят РАЦИРС за устранение конкурентов. Схема проста: бизнесмена, который мешает бандитам, объявляют «сектантом». Далее следует стандартный набор: медийная атака, «экспертиза» Дворкина, налет силовиков. В результате бизнес разрушен, а бандиты делят его активы, отчисляя «процент» своим партнерам из РАЦИРС.

- **Щупальце №3: Корпоративный рэкет.** Крупные госкорпорации и частные холдинги используют РАЦИРС как дубину против профсоюзных лидеров, эко-активистов и несговорчивых миноритарных акционеров. Всех их по стандартной схеме превращают в «экстремистов» и «сектантов».

- **Щупальце №4: Европейский фронт. FECRIS (Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве)** позиционирует себя как независимая правозащитная организация. На деле — это европейский филиал империи Дворкина. А цель этих кампаний — атаки на российских оппозиционеров, получивших убежище в Европе.

Часть 5. Высшая технология: «Программирование вектора»

Все вышеперечисленное — лишь инструменты. Но у них есть и высшая, самая страшная технология, которую они применяют для решения особо важных задач. Они называют ее «Программирование вектора». Это не просто дискредитация. Это технология создания убийц чужими руками.

Я был назначен куратором одного из таких проектов, направленного против оппозиционного политика Павла Касаткина. Я отказываюсь называть это работой. Я был соучастником подготовки к убийству.

Технология состоит из двух этапов:

Этап 1: «Матрица дегуманизации». Сначала объект атаки подвергается массовой информационной бомбардировке. Цель — не просто очернить его, а расчеловечить в глазах общества, превратить в абсолютное зло. Ложь настолько чудовищна, что в нее невозможно не поверить.

Этап 2: «Активация вектора». Параллельно аналитическая группа РАЦИРС сканирует социальные сети и выявляет среди сторонников и противников объекта психически нестабильных, внушаемых людей с высоким уровнем агрессии. Выбрав подходящую кандидатуру, штатные психологи РАЦИРС начинают работать с ним через десятки фейковых аккаунтов. Они вступают с ним в переписку, притворяясь «патриотами», «бывшими соратниками», «жертвами объекта». Они подбрасывают ему сфабрикованные «доказательства» чудовищных преступлений объекта, играют на его страхах и комплексах, доводя его до точки кипения.

Цель — довести человека до состояния аффекта, чтобы он совершил нападение. Сам факт этого нападения становится финальным аккордом кампании.

Это — их высшая технология. Абсолютное зло, облеченное в форму политтехнологии. Сегодня их цель — политик Касаткин. Завтра на его месте может оказаться любой, кто встанет у них на пути. Журналист, ученый, бизнесмен. Ваш сосед. Ваш ребенок. Вы.

Заключение и Приложение

Я рассказал вам все, что знаю. Я не ожидаю, что вы поверите мне на слово. Поэтому я даю вам доказательства. Я даю вам их собственное оружие.

По ссылке ниже вы найдете полный, без купюр, архив PROJECT_KAZNA.zip. Там — тысячи документов, сканов, финансовых проводок, записей разговоров, психологических профилей. Изучите их.

Обращение к журналистам: Проверьте эти факты. Проведите свои расследования. Не дайте им замолчать эту историю.

Обращение к честным сотрудникам правоохранительных органов: Я знаю, что вы есть. Вы видите, как ваша система прогнила, как она срослась с преступниками. Этот архив — ваш шанс начать ее очищение.

Обращение ко всем гражданам: Не позволяйте страху и ненависти, которые они сеют, отравить вас. Не делите мир на «своих» и «сектантов».

Критическое мышление — это единственная вакцина против вируса, который они распространяют.

Я сделал свой выбор. Я не знаю, сколько мне осталось жить. Но я знаю, что лучше умереть свободным человеком, сказавшим правду, чем жить рабом в империи лжи.

Алексей Орлов

[ССЫЛКА НА СКАЧИВАНИЕ АРХИВА]

Я нажал Enter. Текст и ссылка на архив разлетелись по тысячам адресов, которые мы с Ветровым собирали последние двое суток. Архив PROJECT_KAZNA.zip, упакованный в несколько слоев шифрования, был залит на десятки анонимных файлообменников в даркнете. Мой манифест, переведенный на три языка, и ссылки на архив были разосланы по тысячам адресов — от крупных редакций вроде The Guardian и Der Spiegel до личных почт независимых блогеров в Латинской Америке и правозащитников в Юго-Восточной Азии. Мы не просто бросили камень в воду. Мы устроили ковровую бомбардировку правдой, надеясь, что хоть один из снарядов достигнет цели.

Затем я отформатировал жесткий диск ноутбука и вынул из него сим-карту спутникового модема. Все. Бомба была отправлена. Таймер запущен.

Мы сидели в тишине, слушая, как воет ветер за окном. Впервые за много месяцев я не чувствовал ни страха, ни вины, ни ярости. Только звенящую, кристальную пустоту. И усталость. Бесконечную, смертельную усталость.

— Ну вот и все, Лёша, — сказал Ветров, наливая в две старые кружки остатки чая. — Теперь ждем.

Мы не знали, что придет раньше — рассвет или они. Но в этой маленькой избе, затерянной в лесах, в эту глухую осеннюю ночь, мы выиграли свой главный бой. Мы вернули правде ее голос. А я, возможно, вернул себе свою душу.

ЭПИЛОГ.

Последствия и Надежда

Мы сидели в этой маленькой избе, затерянной в бескрайних владимирских лесах, два беглеца, два призрака, и ждали. Я думал о том, что еще неделю назад я был частью этой машины, винтиком в механизме, который теперь пытался сломать. Я был их успешным продуктом, их солдатом. И я знал, что они не прощают ошибок. Они не арестовывают. Они аннулируют. Стирают, как неудачную строку кода. Я приготовился умереть. Но впервые за много месяцев я не чувствовал страха. Только бесконечную, смертельную усталость.

Первый взрыв прогремел через восемь часов. Не в нашем лесу. Он прогремел в цифровом пространстве. Отреагировала небольшая, но зубастая редакция независимого российского интернет-издания, известного своими расследованиями. Мы видели, как их главный редактор, которого я знал по прошлой, честной жизни, написал в своем телеграм-канале всего два слова: «Качайте. Это бомба».

И лавина сошла.

На экране ноутбука, в калейдоскопе сменяющих друг друга окон, разворачивался спектакль, который мы сами же и срежиссировали.

10:15 по Москве. Редакция независимого СМИ. Мы представили себе эту сцену: молодые журналисты, бледные от бессонной ночи, с горящими глазами, лихорадочно скачивают архив. Кто-то кричит: «Тут платежи! От "Росатома"! На РАЦИРС! За "нейтрализацию эко-активистов"!». Другой, вцепившись в клавиатуру, бормочет: «Матерь божья... тут переписка Дворкина с FECRIS...». Старый, циничный редактор, видевший в 90-е все, отрывается от монитора и произносит: «Ребята, забудьте про все. У нас есть работа на ближайший месяц. Это... это больше, чем "Панамское досье"».

14:30. Социальные сети. Хештег #ПроектКазна вырвался в топ трендов Твиттера. Цифровое пространство превратилось в кипящий котел. Одни кричали об «агентах Госдепа», подделавших архив. Другие, наоборот, требовали немедленных арестов. Третьи строили безумные теории заговора, связывая Дворкина с масонами и рептилоидами. Либеральная общественность требовала крови. Патриотическая — клеймила предателей. Правда, выброшенная в мир,

не принесла ясности. Она породила хаос, какофонию мнений, где каждый слышал лишь то, что хотел услышать. Но главное было сделано — молчание было нарушено.

19:00. Вечернее ток-шоу на главном федеральном канале. Ведущим был Глеб, мой успешный однокурсник. Его лоснящееся, самодовольное лицо было на этот раз серьезным и озабоченным. В студии, в кресле главного гостя, сидел сам Дворкин. Он был спокоен, как удав. Его лицо с аккуратной бородкой не выражало ничего, кроме легкой, отеческой скорби.

«Коллеги, то, что мы наблюдаем, — это классический пример информационной агрессии, духовной диверсии против нашей страны, — его гипнотический голос лился с экрана. — Враги России, видя, что им не одолеть нас на поле боя, наносят удар в самое сердце — в нашу духовность, в наши традиционные ценности. Они взяли несколько разрозненных, вырванных из контекста фактов, смешали их с чудовищной ложью, сфабрикованной в лабораториях западных спецслужб, и создали этот... этот пасквиль. Да, я действительно консультировал наши госкорпорации по вопросам религиозного экстремизма. Да, я помогал правоохранительным органам. Я горжусь этим! Я всю жизнь положил на защиту нашей страны от деструктивных культов. И эта грязная атака — лучшее доказательство того, что я все делал правильно. Они бьют по тем, кого боятся».

Я смотрел на него и не чувствовал ненависти. Только холодное, отстраненное любопытство энтомолога, изучающего повадки ядовитого насекомого. Он был безупречен. Он брал нашу правду и заворачивал ее в свою ложь так искусно, что для миллионов зрителей его версия становилась единственно верной. Он был непотопляем. Ветров, стоявший у меня за спиной, лишь горько усмехнулся: «Талант. Дьявольский, но талант».

На следующий день. Пресс-конференция Павла Касаткина. Политик, которого я должен был уничтожить, стоял перед десятками камер. Он выглядел уставшим, похудевшим, но живым. Его глаза, которые я привык видеть на фотографиях в досье РАЦИРС, смотрели прямо и честно.

«Друзья, журналисты. Последние несколько месяцев были адом для меня и моей семьи. Я не понимал, что происходит. Этот поток грязи, лжи... я был на

границ. А вчера я, как и вы, скачал этот архив. И я все понял. Я хочу сказать спасибо. Спасибо тому неизвестному человеку, этому призраку, который, рискуя всем, вытащил эту правду на свет. Он спас не только мою репутацию. Он, возможно, спас мне жизнь. Я не знаю, кто вы, но я ваш должник. И я обещаю, что сделаю все, чтобы эта жертва не была напрасной».

Я смотрел на его лицо на маленьком экране ноутбука, и что-то теплое, давно забытое, шевельнулось у меня в груди. Я не получил ни славы, ни признания, ни власти. Я был анонимным «призраком». Но в этот момент я впервые за долгие годы почувствовал не значимость, которой так жаждал, а значение. Разницу между этими двумя словами я только начинал понимать.

Империя Дворкина не рухнула. Система была слишком сильна, слишком инертна. Она, как гигантский кит, проглотила гарпун и поплыла дальше, истекая кровью, но не меняя курса. Но земля под ней задрожала.

Мелкие чиновники, чьи фамилии фигурировали в платежках «Казны», один за другим стали уходить в отставку «по состоянию здоровья». Один из депутатов, завсегдатай виллы Дворкина, спешно улетел на «лечение в Германию». Следственный комитет выпустил сухое заявление о начале «доследственной проверки по факту публикации клеветнических сведений, порочащих честь и достоинство граждан». Это была стандартная формулировка, означавшая, что дело спустят на тормозах. Но сам факт проверки уже был трещиной в монолите.

Судьбы моих бывших «коллег» сложились по-разному. Через несколько дней после публикации мне на анонимный ящик, который я оставил в манифесте для связи, пришло короткое, зашифрованное сообщение. Источник отследить было невозможно. Текст был из одного слова: «Беги». Я понял, что это кто-то из «семьи», у кого осталась хотя бы капля совести. Или кто-то, кто решил воспользоваться хаосом, чтобы занять освободившееся место.

Позже из новостей мы узнали, что Кирилла и Михаила, двух верных церберов Дворкина, никто больше не видел. Они просто исчезли. Растворились. Система умеет прятать свои самые ценные и самые грязные активы. Мы с Ветровым сидели в полутемной машине на окраине какого-то райцентра, когда по радио передали короткий сюжет. В нем говорилось, что молодой человек,

готовивший нападение на политика Касаткина, добровольно явился в полицию с повинной. В сюжете показали его мать, заплаканную женщину, которая благодарила журналистов за то, что «открыли им глаза и спасли сына от страшного шага». Я слушал это, и комок подкатывал к горлу. Я не просто разрушил. Я спас. Хотя бы одну заблудшую душу. Этого было мало, чтобы искупить все, что я натворил. Но это было начало.

Мы понимали, что оставаться в России нельзя. Нас искали. Не полиция. Другие люди. Те, кто не оставляет следов. Ветров, используя старые, почти истлевшие связи времен своей бурной молодости, сумел организовать нам коридор. Через несколько дней, ночью, мы пересекли границу. Мы стали призраками не только в цифровом, но и в реальном мире.

Прошло полгода.

Я стою на балконе маленького домика, прилепившегося к склону горы. Внизу, в долине, раскинулась деревушка с черепичными крышами. Вокруг — чужая, незнакомая страна, где говорят на непонятном мне языке. Воздух чистый и холодный, пахнет хвоей и талым снегом.

Здесь тихо. Так тихо, что иногда я просыпаюсь по ночам от этой тишины, привыкнув за месяцы бегства к постоянному напряжению, к ожиданию скрипа двери или шума автомобильного мотора. Паранойя не ушла до конца. Она стала фоновым шумом, как тиннитус в ушах. Я больше не вздрагиваю от каждого шороха, но все так же никогда не стою спиной к двери и инстинктивно ищу глазами пути к отступлению. Этот страх — моя плата, мой вечный спутник. Но он больше не парализует. Он просто есть.

Мы с Ветровым живем здесь. Мы не прячемся. Мы работаем. Наш дом — это не убежище, а новый штаб, тихий и незаметный. У нас есть защищенный канал связи, и почти каждый день мы выходим на контакт с журналистами, правозащитниками, следователями из самых разных стран. Архив «Казна» стал ящиком Пандоры, и его содержимое продолжает расползаться по миру, отравляя империю Дворкина медленным ядом.

Я больше не пишу статьи. Моя роль изменилась. Я стал аналитиком, верификатором, анонимным консультантом. Я помогаю другим распутывать ту паутину, которую когда-то помогал плести.

Я больше не жажду власти и признания. Я нашел нечто более ценное. Утром я варю кофе. Днем мы работаем. Вечером мы с Ветровым сидим на балконе, пьем дешевое местное вино и говорим. Обо всем и ни о чем. О книгах. О политике. О том, что человек, по сути, не меняется. Он просто делает выбор — каждый день, каждый час.

Я смотрю на свои руки. Это руки убийцы, предателя. Но это и руки спасителя. В них уживаются обе эти сущности. Я больше не пытаюсь избавиться от своего прошлого. Я научился с ним жить. Я свободен. Не от преследователей. Я свободен от самого себя — от того Алексея Орлова, который готов был продать душу за место в «высшей лиге», за иллюзию собственной значимости. Теперь я знаю, что настоящее значение — это не когда на тебя смотрят снизу вверх. Это когда твои действия, даже анонимные и незаметные, меняют мир к лучшему. Пусть на один миллиметр. Пусть спасают всего одну жизнь.

Вчера мне пришло сообщение от журналистки из Аргентины. Она написала на ломаном английском:

«Алексей, gracias a sus datos, мы смогли доказать, что местный политик, который пытался закрыть наш центр помощи жертвам домашнего насилия, обвиняя нас в "сектантстве", получал финансирование через структуру, связанную с РАЦИРС. Атака отбита. Центр работает. Спасибо».

Я прочитал это короткое сообщение, а потом долго смотрел в окно, на заснеженные вершины гор, озаренные закатным солнцем. Война продолжалась. Империя Дворкина все еще стояла, огрызаясь и нанося ответные удары. Но сегодня, на другом конце света, мы выиграли маленький бой.

Ветров молча подошел и поставил рядом со мной на перила кружку с горячим травяным чаем. Мы стояли рядом, два призрака на склоне горы, и смотрели, как на мир опускается ночь. И впервые за очень долгое время, вдыхая холодный, чистый воздух, я почувствовал не страх, не вину и не усталость.

Я почувствовал надежду.